СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

Александр Плеханов
Андрей Плеханов

ДЗЕРЖИНСКИЙ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ

Андрей Александрович Плеханов
Александр Михайлович Плеханов

Дзержинский на фронтах Гражданской

Серия «Советская история»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63932286
Дзержинский на фронтах Гражданской / Александр Плеханов, Андрей Плеханов: Вече; Москва; 2021
ISBN 978-5-4484-8548-0

Аннотация

На основе ранее неизвестных документов государственных и ведомственных архивов авторы рассматривают становление Ф.Э. Дзержинского как военного деятеля советского государства; правовое положение структур ВЧК – ОГПУ; совершенствование военного аппарата; обучение и воспитание кадров ВЧК – ОГПУ; контрразведывательное обеспечение Красной армии на фронтах Гражданской войны; участие в подавлении мятежей, повстанческого движения и бандитизма; заботу Ф.Э. Дзержинского об обороноспособности Республики и боеспособности Вооруженных сил Советской России.

Особое место в ней отведено показу актуальности рекомендаций ведения оперативной работы в армии и на флоте, разработанных Ф.Э. Дзержинским, для деятельности сотрудников военной контрразведки НКВД СССР и «Смерш» Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны, которая позволила им успешно защитить советских воинов от происков спецслужб противника.

Издание адресовано широкому кругу читателей, всем, кто интересуется феноменом такой неординарной личности, как Ф.Э. Дзержинский, историей России и отечественных органов государственной безопасности.

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 26
Глава 2 45
Конец ознакомительного фрагмента. 103

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

Александр Плеханов, Андрей Плеханов Дзержинский на фронтах Гражданской

Рецензенты:
С.Г. Бандурин, доктор исторических наук, доцент,
В.Н. Хаустов, доктор исторических наук, профессор

Знак информационной продукции **12+**
© Плеханов А.М., Плеханов А.А., 2021
© ООО «Издательство «Вече», 2021
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021
Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Оценки прошлого должны соотноситься с реалиями прошлого.
Заповедь историка

Феликс Эдмундович Дзержинский прожил недолгую, но яркую жизнь. Из своих неполных 49 лет более тридцати он посвятил активной политической борьбе, около трети – государственной деятельности. Что это было за время в истории России? Три революции, Первая мировая и Гражданская войны, интервенция. Социальные потрясения, смерти и страдания десятков миллионов людей, борьба за «светлое будущее, без эксплуатации и угнетений» и за «единую и неделимую Россию», время рождения и ухода с исторической арены политических партий и общественных движений, народных вождей и разного толка авантюристов.

Более чем за тысячелетнюю историю России эти годы можно сравнить лишь со Смутой начала XVII в. Тогда тоже речь шла о спасении Российского государства в борьбе с интервентами, необходимости сплочения народа и преодоления его раскола. Но выход из этого положения в 10—20-х гг. XX в. искали не столько путем диалога, сколько в физическом уничтожении своего противника.

В этих исторических условиях формировалось мировоз-

зрение будущего председателя ВЧК – ОГПУ. В начале XX в. на первое место вышли проблемы, решить которые без применения насилия, карательной политики государства (России императорской, России советской), ведения ожесточенной классовой борьбы казалось невозможным. Поколение ровесников Октября испило чашу испытаний до дна: голод, коллективизация, Великая Отечественная война, трудные послевоенные годы.

Если начало Первой мировой войны в патриотическом порыве объединило большинство российского общества, то к 1917 г. это ушло в прошлое. Само царское правительство Николая II в большей мере, чем революционеры, подготовило социальный взрыв, переросший в широкомасштабную самоубийственную Гражданскую войну, не признававшую никаких компромиссов. В смертельной схватке сошлись не какие-то уголовники, а люди, убежденные в своей правоте и готовые за это отдать жизнь.

После Октябрьской революции до середины 1920-х гг. сложным было не только внутреннее, но и международное положение Советской России. До 1921 г. были лишь короткие перерывы между военными действиями. Передышка после заключения Брестского мира (3 марта 1918 г.) была недолгой. Разработанная В.И. Лениным в «Очередных задачах Советской власти» программа создания основ экономики не могла быть реализована в условиях начавшейся Гражданской войны и интервенции. РКП(б) стала воюющей пар-

тией, а страна – военным лагерем. После разгрома армии А.И. Деникина до начала борьбы с Польшей и войсками П.Н. Врангеля передышка также была непродолжительной (февраль – апрель 1920 г.).

В годы Гражданской войны контрреволюция зародилась на периферии бывшей Российской империи. Революция владела центром страны. В этом было преимущество красных, и в этом была слабость белых. Единый большевистский политический центр вел борьбу с коалицией, интересы отдельных членов которой часто были прямо противоположными друг другу. Война после трехлетней исключительно ожесточенной борьбы закончилась победой красных. Белые были разбиты на всех фронтах. Но не везде победили и большевики: Финляндия, Эстония, Латвия и Польша при активной поддержке западных государств отстояли свою независимость.

По итогам войны не оказалось ни победителей, ни побежденных. Белые проиграли к началу 1920-х гг., красные – в начале 1990-х. И те и другие сражались за идею. Именно идейная составляющая была стержнем событий.

В недавнем прошлом старшему поколению россиян объясняли, что вина за Гражданскую войну лежала на плечах «белых», сегодня во всем обвиняют «красных». Но пора уже подняться над событиями прошлых лет и сказать, что Гражданская война была величайшей трагедией нашего народа. Особый характер вооруженная борьба на территории России приобрела после вмешательства интервентов, которые в ре-

шении «русского вопроса» преследовали свои цели.

В борьбе с противниками советской власти участвовали все государственные органы и общественные организации: парткомы и ячейки РКП(б), советы, ревкомы, комбеды, ревтрибуналы, суды, различные наркоматы и комиссии. Решающий вклад в победу большевиков внесли Красная армия и ВЧК, которая обеспечивала безопасность Советской республики, а в ряде критически важных моментов ее вклад был решающим.

В драме революции и Гражданской войны праведников не бывает, потому что это духовный срыв всего общества в целом. То время ушло далеко от нас. И зачастую обращение к героическим и трагическим годам является тенденциозным для дальнейшего поддержания в обществе состояния Гражданской войны. И в этом случае научных целей не просматривается. Поэтому крайне важно изучать историю ведомства госбезопасности, историю не какой-то конторы «Рога и копыта», завода, фабрики, наркомата или политической партии. Она требует особой осторожности. И главное – объективности. И для начала исследования необходима особая подготовка, и здесь наличие диплома института или университета недостаточно. Ведь речь идет о ведомстве, решавшем судьбы сотен тысяч конкретных людей, не только об их правах и свободе, а и о самой жизни.

Все мы живем одновременно в трех измерениях: прошлом, настоящем и будущем. И, пожалуй, профессия ис-

торика в большей мере, чем любая другая, позволяет жить именно так. Настоящее наполнено различными заботами, повседневностью, надеждой на лучшее будущее. И постоянно, независимо от желания, каждого из нас преследует прошлое. Мы хорошо понимаем, что время необратимо. И все-таки вновь и вновь возвращаемся к первым двум десятилетиям после Октябрьской революции 1917 г., потому что именно эти годы ознаменовались наибольшими безвозвратными потерями лучших сыновей и дочерей двух послереволюционных поколений. Осмысление же всего происходившего, обобщение явлений жизни, спокойное, непредвзятое изучение драматической и героической, единственной истории нашей Родины необходимо, тем более сегодня, когда происходит становление новой политической системы. И многое зависит от историков-профессионалов, чтобы не случилось то, на что указывал патриарх советской разведки Вадим Алексеевич Кирпиченко в своей книге «Разведка. Лица и личности»: «Наше время быстро заметает следы прошлого… Мы постепенно превращаемся в людей без традиций и без истории… Войны, оккупации, революции, контрреволюции привели нас к тому, что мы стоим на грани превращения в людей без роду, без племени. Не покаяние нам нужно, а всеобщее примирение и выработка взаимно приемлемых норм жизни и труда»1.

Ф.Э. Дзержинский был глубоко идейным человеком, посвятившим свою жизнь борьбе за освобождение человече-

ства от рабства, за создание справедливого общества, в котором человек труда мог бы жить свободно, пользуясь всеми достижениями науки и культуры.

О нем написаны десятки книг, сотни статей, поставлены кинофильмы. В его честь названы города, районы, улицы и площади, заводы и фабрики. Имя его овеяно легендой и различными мифами. Он широко известен не только у нас, в России, но и за рубежом. Сегодня оценки личности и деятельности этого человека, как правило, диаметрально противоположны: от «рыцаря революции» и «борца за народное дело», «солдата великих боев» до «верховного жреца террора», «апостола террора», «палача и душителя свободы».

Используя большой опыт профессионального революционера, он обратил свою кипучую энергию и организаторский талант на защиту победившей революции. 20 декабря 1917 г.2 по предложению В.И. Ленина он возглавил Всероссийскую чрезвычайную комиссию. Это было продолжением его революционной деятельности теперь уже в новом качестве. Он был не просто дисциплинированным исполнителем партийных решений, а человеком, который оказывал существенное влияние на их принятие, в том числе и в области военной политики. Первые дела председателя ВЧК показывают, что овладевать оперативным и военным искусством борьбы с политическими противниками ему пришлось в крайне сложных условиях.

Отношение наших граждан к истории Отечества в насто-

ящее время характерно повышенным вниманием к событиям недавнего прошлого, особенно к тем годам, которые резко отличались от «нормального времени». Оценки деятельности сотрудников органов и войск ВЧК – ОГПУ, как и их руководителя, также диаметрально противоположны. Это следствие массированной кампании в СМИ в условиях так называемой перестройки, когда процветала свобода без ответственности. И совершенно прав был писатель В. Распутин, заявлявший: «…Плоды нашей неприкосновенной свободы принесли и еще принесут огромные и тяжкие последствия. Это и безмерное бесстыдство, и дурные вкусы, и цинизм, и жестокость, и издевательство над святынями, и разбой, и многое-многое иное»3.

Самым влиятельным по степени распространения информации и воздействия на умы и сердца населения России является телевидение. У части его сотрудников не осталось ни национальной гордости, ни гражданского достоинства, ни элементарной душевной опрятности. Справедливо заметил тот же В. Распутин: «Более грязного и преступного TV в мире не существует и не может существовать, ибо не находится больше желающих за государственный счет содержать огромную, хорошо вооруженную армию легальной организованной преступности, денно и нощно занятую нравственной и культурной стерилизацией народа»4.

Очень часто на телевидении, радио, в публикациях газет и журналов предлагаются материалы, основанные только на

измышлениях. И весь опыт создания социалистического государства стараются представить как непрерывную цепь ужасов и катастроф. А в личных качествах Дзержинского авторы стараются видеть только отрицательные стороны: «Все товарищи по революционной борьбе заметили одержимость Дзержинского: он не пил, не посещал кабаков, он вообще органически не умел расслабляться и веселиться. Только дело, и еще раз дело: освободить рабочих от пут эксплуатации и принести им освобождение и счастье». Но человеку, посвятившему себя революционной идее преобразования общества, а не идее обогащения за счет других и ограбления своего народа, негоже было растрачивать себя на подобные занятия. Некоторых наших оппонентов удивляет поведение сотрудников Тульского отдела ОГПУ, которые в 1926 г. возложили венок на могилу Дзержинского: «Венок был сделан из винтовок, револьверов и скрещенных шашек – ничего живого и естественного. Только орудия убийства». Но ведь можно сказать иначе – это оружие защиты, на дворе-то был 1926, а не 2020 г.

В пылу политической полемики некоторые историки дают лишь отрицательную оценку работы чекистов, чаще всего из-за незнания, при выполнении социального заказа или «особой любви» к органам госбезопасности. Особенно характерным является утверждение, что советские спецслужбы были только карательными органами. При этом, как правило, забывается, что советские спецслужбы независимо от

названия – от ВЧК до КГБ – защищали безопасность государства, общества и граждан, то есть были ведомством, которое успешно противостояло реальным противникам: шпионам, диверсантам, террористам, контрабандистам, бандитам и другими.

Наши оппоненты забывают, что при решении служебных задач десятки тысяч чекистов отдали свои жизни. И вместо светлой памяти об этих людях, признания их героического труда и самопожертвования в ряде средств массовой информации, с экранов телевизоров и кинотеатров зрителей потчуют развесистой клюквой вроде многосерийных телефильмов. Пользуясь легальными возможностями, они стараются сформировать общественное мнение в «правильном» направлении. С нами ведут борьбу не недоучки, фанатики и бандиты, а образованные, подготовленные в идеологическом и финансовом отношении люди. К сожалению, в условиях всеобъемлющей коммерциализации часто берут верх не гражданская позиция и профессионализм. Но многие новоявленные критики скомпрометировали себя тем, что с начала 1990-х годов сознательно преподносят обществу грубо сфальсифицированные объяснения мотивов и механизма крупных событий в нашей внутренней и внешней политике.

Заказные историки и журналисты очень стараются отстаивать закореневшие точки зрения и создавать новые легенды, основанные на неправде – «Mala herba cito crescit»5. Под видом установления истины сочиняют свои версии истории

органов ВЧК, ГПУ и ОГПУ, ничего общего не имеющие с событиями прошлого. Рождаются мифы, призванные заменить правду ложью порой под благовидными предлогами.

Отрадно отметить, что уходит в прошлое беда сотрудников российских спецслужб, которая стала частью общей катастрофы, постигшей наше Отечество, когда злонамеренная клевета и огульное охаивание нанесли непоправимый вред нашей стране. Так считают, кстати, и объективные аналитики, и профессионалы западных спецслужб. Только на чекистов намеренно переносили ответственность за нарушение законности НКВД в 1930-е годы. «Отсюда, – с горечью писал П.А. Судоплатов, – постоянная неприязнь, перерастающая порой в ненависть к тем, кто своей реальной работой внес вклад в тот базис современного развития, который остается до сих пор несокрушимым фактором гордости и престижа Родины»6.

При этом умышленно забывалось, что с трагическим прошлым в деятельности органов госбезопасности давно было покончено, в них произошла смена уже нескольких поколений сотрудников.

Для того чтобы верно оценивать происходящее, нам следует помнить слова видного русского историка В.О. Ключевского: «История народа, научно воспроизведенная, становится приходно-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого, а вырабатываемое из знания прошлого историческое сознание дает

обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости. Определяя задачи и направления своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином»7.

«Приходно-расходная книга» нашего народа в начале XXI в. заставляет глубоко задуматься над ее содержанием.

Писатель Федор Михайлович Достоевский считал, что «духовное и физическое страдания – главное условие для духовного развития русского человека»8. И если следовать этой логике великого писателя, то наш народ в своем духовном развитии значительно обогнал другие народы мира. И как духовно развитым, нам пора воспринимать историю, каковая она есть. Русский историк Е.Е. Голубинский: писал: «История бывает трех родов: тупая, принимающая все, что оставило нам прошлое время с именем исторического материала, за чистую монету и поэтому рассказывающая бабьи басни; лгущая, которая не обманывается сама, но обманывает других, которая из разных практических побуждений представляет белое – черным, черное – белым, хулит достойное похвалы и хвалит достойное порицания, и настоящая, которая стремится к тому, чтобы по возможности верно и по возможности обстоятельно узнать прошлое и потом стараться также верно и обстоятельно воспроизводить его»9.

В исторической литературе сложилось целое направление

по изучению теоретического наследия и практической деятельности Ф.Э. Дзержинского. Работы многих историков отражают процессы, происходившие в новом государстве в 1917—1926 гг., прежде всего поиск действенных форм и методов борьбы с противниками советской власти и правящей коммунистической партией. Историки сделали достоянием научной общественности тысячи документов, помогающих оценить деятельность ведомства безопасности. Впервые опубликован дневник Дзержинского, который он вел, находясь в застенках царской охранки, а также письма к родным; вышли три издания его избранных произведений, научные биографии. Большой фактический материал о председателе ВЧК – ОГПУ содержится в книгах советских историков.

Интересен взгляд председателя ВЧК – ОГПУ на историю органов безопасности. На многих его документах стоят резолюции: «архив», «в архив», что стало хорошей гарантией сохранности очень важных материалов до сегодняшнего дня.

К середине 1920-х гг. постепенно сложилась негласная традиция почти ничего не писать о ВЧК – ОГПУ. В известном обращении Дзержинского к ветеранам-чекистам от 13 марта 1925 г. он подчеркнул важность изучения истории ВЧК – ОГПУ и призвал всех бывших сотрудников органов безопасности написать воспоминания, которые в последующем будут востребованы историками. Из этого документа не был опубликован последний абзац, который имеет большое

значение для понимания последующих событий: «Все составленные таким образом материалы считаются совершенно секретными, пишутся от руки, на машинках не перепечатываются и в подлинниках (не оставляя у себя копии) направляются через Фельдъегерский корпус лично, непосредственно в адрес зам. пред. ОГПУ Г.Г. Ягоды»0.

«Совершенно секретные» материалы, разумеется, не могли стать достоянием историков ни в 1930-е, ни в 1940-е, ни в последующие доперестроечные годы XX века.

В июне 1926 г. заведующий отделом истории партии ЦК ВКП(б) С. Канатчиков обратился к Дзержинскому с просьбой оказать содействие в подготовке к десятилетию Октябрьской революции материала о деятельности органов ВЧК – ОГПУ объемом 50 печатных листов. Председатель ОГПУ выразил свое отношение к предложению Канатчикова в записке Г. Ягоде не позднее 18 июня 1926 г.: «Я думаю, что этого предложения не следует принять. Историю ВЧК – ОГПУ можно будет писать лишь после того, как исчезнет нужда в нем»11.

Хорошо известно, что необходимость в органах безопасности существует и сегодня, а значит, исходя из элементарной логики Дзержинского, историки не имеют права писать о недавнем прошлом. Но пришли иные времена, и наша обязанность рассказать о том, каким был руководитель органов ВЧК – ОГПУ, и о том вкладе, который он внес в развитие советской военной науки и практики, в защиту нашего Оте-

чества.

Детальное изучение наследия Дзержинского на посту председателя советских органов государственной безопасности важно в силу той роли, которую этот человек сыграл в истории нашей страны в годы Гражданской войны и новой экономической политики, в силу характера той власти, которая утвердилась в России на многие десятилетия. Он многое сделал для повышения обороноспособности Советской Республики, создания и строительства Красной армии. В годы Гражданской войны и борьбы с интервентами принимал активное участие в укреплении Красной армии, Пограничных войск и Войск внутренней охраны, в организации разгрома белогвардейских армий. Возглавлял борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией. Работал на постах председателя Военного совета Войск внутренней охраны, председателя Комитета обороны Москвы, начальника тыла Юго-Западного фронта, члена реввоенсовета Западного фронта, в составе партийно-следственной комиссии по установлению причин сдачи Перми. Внес большой вклад в постановку партийно-политической работы, в разработку тактики разгрома политического бандитизма, в организацию охраны тыла Красной армии.

По инициативе Дзержинского созданы крупные маневренные соединения для окружения и полного уничтожения бандитских формирований, проведена мобилизация железнодорожного транспорта на огромной территории стра-

ны, четко осуществлялась перевозка войск, было улучшено снабжение армии вооружением, боеприпасами, продовольствием, организована охрана железнодорожных коммуникаций и вагонно-паровозного парка от диверсий и других враждебных акций. Под его руководством определены правовое положение, место и роль ВЧК, ГПУ и ОГПУ в советской политической системе, основные направления их деятельности, кадровая политика, сложилась единая система обучения и воспитания сотрудников. В мирное время работа Дзержинского, по словам М.Н. Тухачевского, была «тесно связана с вопросами обороны нашего Союза. Он предметно руководил укреплением и упорядочением транспорта и развитием промышленности, т.е. теми элементами, на которых в значительной степени базируется обороноспособность страны. Сделав многое для прошлых побед Красной армии, тов. Дзержинский сделал многое и для ее будущих побед»12.

Однако следует учитывать, что, с одной стороны, в советское время историки и журналисты возвеличивали этого человека и с этой целью извращали или умалчивали исторические факты, создавая образ некоего небожителя, пришедшего на землю, чтобы осчастливить людей, и, таким образом, достоянием общественности становились «научные» биографии, ничего общего не имеющие с наукой. С другой стороны, на смену былой апологетике и иконизации пришла другая крайность – дегероизация и обличение. Под видом установления истины, а на самом деле – во благо изменив-

шейся политической конъюнктуре появились новые версии, имеющие мало общего с событиями прошлого. Однако крайние точки зрения далеки от исторической правды – политические эмоции часто заслоняют объективные оценки.

Как видим, толкование событий тех лет претерпевало коренные изменения, «повороты на 180 %». И совершенно прав писатель Петр Иванович Ткаченко в своем утверждении: «Только упрощенное, ущербное сознание, лишенное живого восприятия жизни, может с такой легкостью отказываться от одних и принимать другие мировоззренческие ориентиры. Разве не урок для нас, что за неполный век, по сути, на протяжении одной человеческой жизни, нас пытаются втянуть в решительный бой за…уже противоположные «идеалы». Но жизнь народная не может поворачиваться как флюгер, в одночасье, принесенные жертвы и пролитая кровь не пустят»13.

Несмотря на колоссальный прессинг «демократических» средств массовой информации, имя и дела председателя ВЧК – ОГПУ пользуются у миллионов людей уважением. Сегодня в обществе, лишенном при их активной помощи нравственных ориентиров, часто торжествуют ложь, обман, насилие, стяжательство и безответственность, культ денег, порождающий цинизм и пренебрежение к недавнему прошлому. И поэтому память о Дзержинском пробуждает во все более широких слоях населения надежду на избавление нашей великой страны от гнета жирующих чиновников и оли-

гархов, разграбивших народное достояние, воров и бандитов. От тех, кто попрал в России саму идею справедливости под видом борьбы «за свободу и демократию». В поисках ответов на наболевшие вопросы люди все чаще обращаются к недавнему прошлому. Невольно на ум приходит сравнение той эпохи с нынешним временем, когда видишь хаос и неразбериху в экономике и в умах подрастающего поколения. А Дзержинский, как один из руководителей государства, не только словом, но и делом старался приблизить «светлое будущее» и погиб на боевом посту. В разные годы он занимал несколько важных государственных и партийных должностей. С октября 1917 по июль 1926 г. он бессменный председатель ВЧК – ОГПУ, в 1919—1923 гг. – нарком внутренних дел, с апреля 1921 по февраль 1924 г. – нарком путей сообщения, а с февраля 1924 г. – председатель ВСНХ. В апреле 1920 г. избран кандидатом в члены Оргбюро ЦК, а с июня 1924 г. – кандидатом в члены Политбюро ЦК РКП(б). Кроме того, работал в составе десятков различных партийных и правительственных комиссий и других.

Феликс Эдмундович, бесспорно, заслуживает уважения потомков за свой титанический труд по выводу страны из состояния Гражданской войны, налаживанию мирной жизни и восстановлению народного хозяйства.

Авторы стремились объяснить историю органов ВЧК, ГПУ, ОГПУ не с точки зрения той или иной противоборствующей стороны, что, на их взгляд, бессмысленно, ибо это

ведет к бесконечному препирательству, нисколько не приближая к истине, бередит старые обиды и пробуждает прежние распри. Можно предположить, что такая точка зрения вызовет негативную реакцию некоторых читателей. Но они не совсем верно представляют себе исследовательский процесс, в чем именно состоят радости и горести, сомнения, удачи и неудачи авторов. И, конечно, не подозревают того наслаждения, о котором упоминает И.С. Тургенев, наслаждения в казнении самого себя. «Они вполне убеждены, что автор непременно только то и делает, что «проводит свои идеи», не хотят верить в то, что точно воспроизвести истину есть высочайшее счастье, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями»14.

Данное историческое исследование посвящено малоизученным страницам в биографии чекиста, а именно – военной деятельности председателя ВЧК – ОГПУ. Отметим, что много публикаций по данной проблеме появилось к 100-летнему юбилею образования ВЧК и 140-летию со дня его рождения – серьезному поводу для этого – «Grande aevi spatium!»15, к тому же «истина, – как утверждали древние римляне, – дочь времени, а не авторитетов». Самой большой трудностью при подготовке рукописи было личное восприятие авторами событий по документам 1917—1926 гг.: «Кто мог бы даже вольными словами / Поведать, сколько б он ни повторял / Всю кровь и раны, виденные нами?»

Книга не дает ответов на ряд вопросов исследуемой темы,

хотя массив опубликованных документов уже сегодня позволяет фактически в полной мере понять основные процессы, происходившие в СССР в 1917—1926-х годах. Авторы следовали совету видного чекиста В. Широнина: «Пора посмотреть на окружающий мир иными глазами»16, то есть более внимательно изучить события недавнего прошлого.

Документальной основой для подготовки книги послужили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ России), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), архивов управлений ФСБ ряда областей России, территориальных архивов Екатеринбурга, Курска, Новосибирска, Омска, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Рязани, Саратова, Красноярского края, а также мемуары, монографические исследования, историческая литература и периодическая печать, документы личного архива, собранные в течение многих десятилетий.

В книге в ряде случаев встречается повторение некоторых документов. Это объясняется важностью каждого из них и желанием авторов наиболее полно раскрыть ту или иную проблему. В текст некоторых документов внесены незначительные уточнения в соответствии с современными нормами русского правописания и пунктуации. Стилистические ошибки и неточности не исправлялись. Подчеркивания, курсив и выделения в оригиналах сохранены.

Авторы выражают признательность сотрудникам центральных и региональных архивов России. Мы также благодарны друзьям и коллегам, всем тем, кто оказал как конкретную помощь, консультативное содействие, так и моральную поддержку при подготовке, написании и выпуске книги: А.А. Акулиничеву, М.В. Алексееву, Н.Н. Булатову, Ю.А. Винярской, В.П. Галицкому, В.И. Городинскому, А.П. Горячевскому, А.В. Гребенкину, А.А. Здановичу, В.М. Прилукову, Н.В. Передерий, В.Ф. Тимофееву, Г.А. Тихомирову, В.Н. Хаустову, А.А. Чернобаеву, А.И. Цветкову и А.А. Шихову.

Особая благодарность Людмиле Георгиевне Плехановой, которая более шестидесяти лет, будучи женой и мамой, сопровождает нас по жизни, за ее бесконечное терпение и поддержку нашей авторской работе.

Глава 1
Становление военного

Нужно свой долг выполнить, свой путь пройти до конца.
Ф.Э. Дзержинский

Ф.Э. Дзержинский не был профессиональным военным, не служил в армии, не заканчивал ни военного училища, ни академии. Таковым ему пришлось стать в силу объективных обстоятельств: по происхождению (сын потомственного дворянина), по положению (глава ведомства, приравненного к военному), по призванию – революционер (почти военный).

Феликса могли призвать в армию, когда, будучи в ссылке, в середине февраля 1899 г. он проходил обследование в уездном городке Слободское Вятской губернии на предмет годности к военной службе. Ему предстояло направиться на китайскую границу, в Амурскую губернию. Но призывная комиссия признала негодным как тяжелобольного, обреченного на скорую смерть. Доктора как бы предположили у него наличие «серьёзной болезни, вроде чахотки»17. В последующем оказалось, что отстранение от военной службы произошло чисто по политическим мотивам: из-за нежелания допустить в армию политического ссыльного.

Феликс Эдмундович принадлежал к старинному дворян-

скому роду. Его предок ротмистр Николай Дзержинский 11 апреля 1663 г. приобрел по купчей ведомости имение Спицы с десятью дворами крестьян в Крожском уезде Самогитского княжества.

Будущий руководитель советских органов и войск госбезопасности по матери – Елены Игнатьевы Янушевской приходился внуком профессору Петербургского железнодорожного института. Его отец Эдмунд Дзержинский был учителем, происходил из бедной польской мелкопоместной дворянской семьи. В 1863 г. он окончил физико-математический факультет Петербургского университета и преподавал в Таганроге.

В России дворянство – правящее сословие светских феодалов-землевладельцев, обязанных государю военной и административной службой, появилось в официальных документах в 1-й четверти XVIII в. В XVII в. в его состав постепенно вошли служилые иноземцы, в том числе и поляки. К 1680-м годам уже насчитывалось около 50 тыс. мужчин-дворян. В XVIII в. дворянство, вдохновленное идеей службы «царю и Отечеству», играло ведущую роль в развитии и укреплении Российской империи.

У Феликса были все возможности получить высшее образование, сделать успешную карьеру. Родственники предсказывали ему путь служения Отечеству не по линии Военного ведомства, а духовный, ксёндзом римско-католической церкви. Но в 1896 г. он избрал иной, полный трудностей и

лишений путь революционера, считая, что только борьба с самодержавием достойна имени гражданина. Юношей он наивно считал, что для этого достаточно лишь желания «идти в народ» без серьёзной подготовки. И когда подошло время сдавать экзамены на аттестат зрелости, бросил гимназию, мотивируя это тем, что «развиваться можно и работая среди рабочих, а университет только отвлекает от идейной работы, создает карьеристов».

С шести лет Феликс учился читать и писать по-польски, а с семи – по-русски. Первыми его учителями были мать и старшая сестра Альдона, которая подготовила его в 1887 г. к поступлению в 1-ю Виленскую мужскую гимназию. Учёба шла с переменным успехом. В первом классе он остался на второй год, потому что слабо знал русский язык. В протоколе заседаний педагогического совета гимназии за первое полугодие 1889/99 учебного года отмечено, что Феликс Дзержинский за поведение получил удовлетворительную оценку. Наибольших успехов юноша достиг в изучении латинского, немецкого и французского языков, истории и в гимнастике, которой обучал его поручик 106-го Уфимского полка Сацукевич, оценивший успехи своего ученика как хорошие и удовлетворительные. Зато по Закону Божьему Феликс выдержал устное испытание на «отлично»18.

Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в родном доме и в гимназии его старались воспитывать в духе строгого католицизма и польского патриотизма. Это было не

сложно, потому что в то время в Вильно, по всей Литве и Белоруссии царскими жандармами, чиновниками и учителями преследовалось все польское и католическое. Вполне естественно, это вызывало протест среди молодого поколения, своими глазами не видевшего виселиц Муравьева-Вешателя, но знавших это по рассказам матерей и живо чувствовавших на каждом шагу свое бессилие. Именно в эти годы Феликс мечтал найти шапку-невидимку, чтобы «уничтожить всех москалей». Но прошло несколько лет, и он стал интернационалистом, выступив вместе с русскими против самодержавия.

Для Дзержинского лучшей школой стала сама жизнь. По мере взросления менялись взгляды молодого человека. Он не только перестал призывать к борьбе с русскими, но и не стал ксёндзом, хотя в 1896 г. говорил, что если пойму, что нет Бога, то пущу себе пулю в лоб. Но через два года стал убежденным атеистом.

Стремление к движению «не по воле волн», не по желанию родных и близких, а найти свой путь, во многом вопреки устоявшимся суждениям, определило его дальнейшую судьбу. Так, нежелание продолжить образование, досрочный уход из гимназии в рабочее движение не дали ему возможность пройти полный курс обучения, получить даже среднее образование. Отметим, что в последующем в анкетах он писал, что имеет таковое. В свидетельстве о выходе из гимназии отмечалось, что «предъявитель сего ученик восьмого

класса Первой Виленской гимназии Дзержинский Феликс, имеющий от роду 18 лет, сын дворянина, в вероисповедании римско-католическом, поступил в гимназию из домашнего воспитания в августе 1887 г. в 1-й класс. В бытность свою по VIII класс Виленской гимназии поведения был отличного и оказал при удовлетворительном внимании, удовлетворительных успехах, удовлетворительном прилежании следующие успехи в науке…»19.

О том, что означало слово «удовлетворительно» за успехи, внимание и прилежание, видно из свидетельства об окончании Феликсом семи классов гимназии. В свидетельстве стояли следующие оценки: одна четверка (по Закону Божьему), две двойки (по русскому и греческому языкам), остальные – тройки.

Недостаток базового образования, безусловно, сказывался в дальнейшем, и Дзержинский стремился устранить его постоянной учёбой, самообразованием, опираясь на знания, полученные в 1-й Виленской мужской гимназии. Важнейшей его отличительной особенностью было постоянное желание «учиться, учиться и научиться». Такие люди, как он, не могли быть необразованными. Даже не имея законченного школьного образования, не говоря уже о вузовской подготовке, они во многом превосходили других лишь потому, что не стояли на месте, постоянно пополняя знания в ходе практической работы. Часто в письмах Феликса из Нолинска, Кайгородского, Александровского централа, Вар-

шавской цитадели встречаются слова: «я учусь», «я читаю, учусь», «с утра до ночи читаю», «проходят дни за чтением», «время я провожу преимущественно за чтением». Он выражает удовольствие наличием в Нолинске земской библиотеки, тем, что в Александровском централе «есть книги», в Варшавской цитадели библиотека, в Орловской каторжной тюрьме – «довольно хорошая библиотека». В советское время, став наркомом, он писал: «…Я имел тогда смелость, будучи народным комиссаром путей сообщения, учиться и приобретать необходимые мне знания»20.

В юности Феликс увлекался книгами о судьбах итальянских революционеров: одного из вождей национально-освободительного движения – Джузеппе Мадзини и народного героя Италии, борца за объединение страны Джузеппе Гарибальди. Одной из любимых книг Феликса был роман английской писательницы Э.Л. Войнич «Овод».

Революционное движение стало хорошей школой для будущего военного руководителя. Ведь профессия революционера во многом сродни профессии военного. И к тому и к другому жизнь предъявляет повышенные требования: строгая дисциплина, чувство ответственности, способность переносить тяготы и лишения, умение работать с людьми, исполнительность и, наконец, самопожертвование.

Взгляды молодого революционера и будущего военного формировались в ходе постоянной работы среди населения и в тюремных застенках. Наиболее полно читатель может су-

дить о становлении его мировоззрения по одному из дневников. «В тюрьме, – писал он, – я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в деле». 5 ноября 1898 г. он признавался сестре Альдоне в том, что не может «ни изменить себя, ни измениться» и ему «уже невозможно вернуться назад»21.

Революционное дело для него «превышало все повседневные мелочи».

Какие же жизненные цели поставил перед собой Феликс Дзержинский, во имя которых надо было страдать? «Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов… чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды… Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни». Чтобы достигнуть этого, «такие, как я, должны отказаться от всех личных благ, от жизни для себя ради жизни для дела». Именно во имя этого, писал молодой революционер, «пока теплится жизнь, жива сама идея, я буду землю копать, делать самую черную работу, делать все, что смогу. И эта мысль успокаивает меня, дает возможность переносить муку. Нужно свой долг выполнить, свой путь пройти до конца». А счастье – это «не жизнь без забот и печалей, счастье – это состояние души», и в душе «есть святая искра… которая дает

счастье даже на костре». «Силы духа, – отмечал он в 1901 г., – у меня хватит ее на тысячу лет, а то и больше»22.

Тюремное образование способствовало окончательному утверждению взглядов на жизнь, роль и место революционера в преобразовании общества. В годы революции он закалился не только нравственно, но и физически, часто оказываясь в сложной жизненной ситуации: перенес бедность, голодание, переутомление, предательство и измены. Особую тревогу у него вызывало непонимание людей, борьбе за лучшую жизнь которых он посвятил свою жизнь. Так, революционная агитация воспринималась некоторыми рабочими отрицательно. Например, рабочие завода Гольдштейна однажды поймали «агитатора Яцека» и его друга-поэта и избили их. Феликсу нанесли ножевые раны в правый висок и в голову. «Доктор Домашевский потом зашил раны. Поэта меньше избили, так как он сразу свалился с ног, а я защищался», – вспоминал он.

С 1903 г. Дзержинский, как представитель социал-демократии Королевства Польского и Литвы в Военно-революционной организации РСДРП, вел агитационную работу в войсках, участвовал в разработке и утверждении Устава Варшавской Военно-революционной организации РСДРП. В 1903 г. совместно с В.А. Антоновым-Овсеенко установил связь почти со всеми воинскими частями, дислоцированными в Варшаве, Пултуске и Седлеце. Во время первой русской революции 1905—1907 гг. занимался организаторской и по-

литико-агитационной работой среди солдат военных гарнизонов Варшавы и других городов Польши. В воинских частях под его руководством распространялась революционная литература, создавались легальные группы и кружки, которые вели политическую и организаторскую работу.

Ко дню освобождения из Бутырской тюрьмы Феликс Эдмундович имел уже большой опыт партийной и военной работы. Он долгое время руководил созданием боевых групп и дружин из передовых рабочих СДКП и Л, которая объединилась в 1906 г. с РСДРП. Многие из этих боевых групп и дружин участвовало в революции 1905 г. в Лодзи, Варшаве и других городах Польши.

Серые тюремные будни закончились 1 марта 1917 г. Февральская революция сделала Дзержинского свободным. Ему еще не было и 40 лет, но более 20 из них он отдал революционной борьбе, из которых 11 лет провел в ссылках, тюрьмах и на каторге. И через все годы он пронес уверенность в правоте дела, которому посвятил свою жизнь. «В душе никогда не зарождалось сомнение в деле», – писал он23.

Весьма символично, что после освобождения из Бутырской тюрьмы у товарищей и друзей быстро для него нашлись: солдатские шинель, фуражка, гимнастерка, брюки и сапоги. Он сразу же включился в работу среди солдат Московского гарнизона, который к началу апреля 1917 г. насчитывал около 50 тыс. человек. Его можно было увидеть в те дни оживленно ведущим беседы среди солдат. Он выступал по

нескольку раз на митингах перед населением и солдатами, разоблачал политику Временного правительства. Одновременно по поручению Московского комитета РСДРП(б) проводил большую работу среди поляков, которых насчитывалось в центральных областях России к началу 1917 г. около 2 млн. Это были в основном солдаты, мобилизованные в царскую армию в годы войны, кадровые рабочие, эвакуированные из Польши, беженцы, а также бывшие политзаключенные. Сплотить эти массы на большевистской платформе было необходимо, потому что польские буржуазные партии и различные националистические группировки старались их обработать в духе «невмешательства в русские дела» и использовать против революции. В первое время после Февральской революции они находились еще под влиянием эсеров и меньшевиков. Это наглядно показали выборы в Московский совет солдатских депутатов. Из 400 депутатов только 7 являлись большевиками. Поэтому в начале марта Московский комитет РСДРП(б) создал для работы среди солдат Военное бюро (Военки), которое развернуло бурную деятельность по созданию большевистских ячеек в воинских частях. Военки установило связи с солдатами ряда пехотных, артиллерийских и других полков, военных мастерских, распространяло среди них большевистскую литературу. В этой ответственной работе активное участие принял Дзержинский. Несколько позднее, в середине апреля большевики образовали специальную комиссию во главе

с ним, которой поручалось укрепить организации большевиков в армии и руководить созданием Красной гвардии.

Под руководством Дзержинского в ряде частей Московского гарнизона, в том числе и в частях, состоявших из поляков, созданы специальные солдатские группы (секции), работавшие в контакте с партийными организациями. На заводах и фабриках Москвы начали формироваться первые отряды Красной гвардии и боевые дружины24.

Дзержинский непосредственно участвовал не только в формировании этих отрядов, но и в снабжении их вооружением и боевым слаживанием. По его распоряжению была усилена охрана Смольного: увеличено количество постов, создан сильный резерв с пулеметами и броневиками.

Вопросы объединения всех революционных сил, создания вооруженной народной милиции обсуждали на 1-й Московской общегородской конференции большевиков, состоявшейся в середине апреля 1917 г. Дзержинского избрали заместителем председателя конференции. Он был в то время тяжело болен и крайне истощен, его мучила незаживающая рана на ноге, заставляла ходить с палочкой, сильно обострился туберкулез легких. В середине мая здоровье резко ухудшилось, и МК РСДРП(б) решил направить его на кумысолечение в оренбургские степи.

Когда в июле 1917 г. Дзержинский возвратился в Москву, обстановка в стране, и прежде всего соотношение классовых сил резко изменилось. Временное правительство 4 июля

расстреляло мирную демонстрацию рабочих, солдат и матросов. Было покончено с двоевластием. Мирный период развития революции закончился. На следующий день началось наступление контрреволюции. Юнкера разгромили помещение «Правды». Одновременно был закрыт и орган польских социал-демократов газета «Трибуна».

5 августа 1917 г. на пленуме ЦК РСДРП(б) Дзержинский избран в узкий состав ЦК (11 человек), а на следующий день введен в Секретариат ЦК. В числе других ему была поручена военно-организационная работа. Он многое сделал для издании газеты «Солдат» – органа Военной организации большевиков при ЦК РСДРП(б). Нелегально выезжал в Разлив к В.И. Ленину, где получал от него указания об активизации работы по вооружению рабочих, формированию красногвардейских отрядов, поддержанию в постоянной боевой готовности революционных частей Петроградского гарнизона, о срыве подготовки Временным правительством к установлению диктатуры в стране25.

В августе 1917 г. Дзержинский принял активное участие в организации разгрома мятежа, поднятого Л.Г. Корниловым 7 сентября 1917 г. для установления военной диктатуры. Генерал снял с фронта и двинул на Петроград 3-й кавалерийский корпус. В.И. Ленин расценил это как «начало Гражданской войны со стороны буржуазии»26.

По приказу ЦК РСДРП(б) рабочие и солдаты Петрограда и Белоруссии, революционные части Западного фронта,

моряки Кронштадта в течение семи дней подавили корниловский путч. Большую роль в разгроме корниловщины сыграла неутомимая деятельность Дзержинского. Он вместе с другими членами ЦК, войдя в состав созданного ЦК РСДРП(б) для подавления мятежа Комитета народной борьбы с контрреволюцией, организовал и вооружил на ряде крупных промышленных предприятий Петрограда красногвардейские отряды, много отдел сил сплочению революционных солдат и матросов. Он распорядился об аресте контрреволюционеров, выдаче оружия, боеприпасов и продовольствия воинским частям и Красной гвардии, сражавшимся с мятежниками.

Накануне и в дни Октябрьской революции Дзержинский был в центре событий. 10 октября 1917 г. участвовал в заседании ЦК РСДРП(б), принявшем решение о вооруженном восстании и образовавшем по его предложению Политбюро из семи человек во главе с В.И. Лениным. Затем вошел в состав Военно-революционного комитета (ВРК), созданного по указанию ЦК при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. При ВРК имелись: штаб, бюро комиссаров, отделы вооружения, снабжения и продовольствия, печати и другие. Дзержинскому кроме других важных участков было поручено усилить охрану Смольного – штаба революции и его связь со всеми районами города и Центробалтом.

На расширенном заседании ЦК РСДРП(б) избран Военно-революционный центр по руководству восстанием из пя-

ти человек: А.С. Бубнова, Ф.Э. Дзержинского, Я.М. Свердлова, И.В. Сталина и М.С. Урицкого27. Центр вошел в состав ВРК и стал его руководящим партийным органом.

В.И. Ленин, находясь на нелегальном положении, руководил работой ЦК с 15 октября из конспиративной квартиры на Сердобольской улице. При встрече с Дзержинским он интересовался положением в городе и на периферии, в частях столичного гарнизона, в редакции газеты «Солдат». Причем интересовался, где и какие части дислоцируются, о наличии и численности в них партийных организаций, кто руководит солдатскими комитетами. Прямо от Ленина Дзержинский отправился в Смольный, где во второй половине дня состоялось закрытое заседание Петроградского комитета РСДРП(б) с представителями всех районов города. В своем выступлении Дзержинский убедительно защищал необходимость вооруженного восстания.

С 19 октября в ВРК установлено круглосуточное дежурство, обеспечена постоянная связь с районными советами, воинскими частями, боевыми кораблями Балтийского флота и крупными заводами. Дзержинский работал круглые сутки, почти без сна и отдыха, лично подбирал, инструктировал и направлял комиссаров на места, где они принимали непосредственное участие в приведении в полную боевую готовность воинских частей и кораблей, следил за выпуском и распределением военной продукции, вводил жесткие лимиты отпуска боеприпасов. С этой целью ВРК запретил за-

водскому комитету Петроградского патронного завода выдавать боеприпасы без визы одного из трех членов ВРК – Дзержинского, Лазимира и Антонова-Овсеенко.

В дни, непосредственно предшествовавшие восстанию, по заданию ЦК РСДРП(б) он контролировал работу почт и телеграфов, обследовал Петропавловскую крепость на предмет размещения в ней запасного штаба восстания.

21 октября 1917 г. на заседании ЦК создана комиссия по подготовке II съезда Советов. На следующий день по предложению Дзержинского и Свердлова ВРК назначил комиссарами в штаб Петроградского военного округа своих членов А.Д. Садовского, П.Е. Лазимира и К.А. Механошина. После отказа командующего округом принять комиссаров ВРК приказом по гарнизону объявлены недействительными все распоряжения штаба округа без визы комиссаров ВРК28.

В городе отмечался День Петроградского Совета. Дзержинский выступил на митингах в Московском, Нарвском районах и на Охте, на первой Петроградской конференции красногвардейцев. Весь день прошел под лозунгом «Вся власть Советам!».

22 октября под председательством Дзержинского и Свердлова состоялась 1-я Петроградская конференция красногвардейцев, на которой присутствовало около 100 человек, в основном большевиков.

Но не дремала и контрреволюция. Рано утром 24 октября войска, верные Временному правительству, пытались овла-

деть редакций и типографией органа ЦК – газеты «Рабочий путь», а также развести мосты через Неву. По распоряжению ВРК красногвардейцы, солдаты Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона сорвали эту вооруженную вылазку врагов революции. Одному из красногвардейских отрядов задачу ставил лично Дзержинский.

В этот же день члены ЦК РСДРП(б) получили конкретные задания по подготовке восстания. Дзержинский вывел первый отряд из Смольного для занятия Главного телеграфа, который, как очень важный объект, охранялся усиленным караулом29. Захватить его вооруженным путем было непростое дело, связанное с большими жертвами и потерей времени. Учитывая это, Дзержинский направил туда секретаря большевистской организации II съезда Советов С.С. Пестковского, своего старого товарища по подпольной работе и тюрьмам Ю.М. Лещинского, а также комиссара Кексгольмского полка А.М. Любовича с целью склонить караул к переходу на сторону революции. Замысел удался как нельзя лучше: комиссар Любович, пользовавшийся у солдат большим авторитетом, сумел их уговорить. Главный телеграф оказался в руках большевиков.

Также решительно действовала в Москве созданная при участии Дзержинского еще в июле 1917 г. Красная гвардия Железнодорожного района, которая к началу октября насчитывала 1000 бойцов. Под руководством Н.Н. Зимина, который был во главе восстания рабочих, красногвардейцы заня-

ли вокзалы, разоружили офицеров и юнкеров, сорвали попытки Ставки направить в Москву воинские эшелоны. Бросив все свои основные силы на помощь другим районам, Железнодорожный ревком вместе с тем обеспечил приезд в Москву революционных отрядов из других городов, установил связь с Петроградом через Николаевский вокзал. По заданию Боевого партийного центра и ВРК Железнодорожный ревком проверил все эшелоны, стоявшие на путях. На ст. Сокольники Казанской железной дороги обнаружены несколько вагонов с 40 тыс. винтовок. Этим в основном была решена проблема вооружения красногвардейцев и солдат.

Поздно вечером 6 ноября Ленин прибыл в Смольный и взял в свои руки руководство восстанием. У главного входа его встретил Дзержинский и проводил на третий этаж, где напряженно работал ВРК. Дзержинский лично следил за доставкой мотоциклами на предприятия, в гарнизоны и воинские части столицы приказ о решительном наступлении на контрреволюцию. Отряды Красной гвардии, матросские и революционные полки Петрограда приступили к выполнению боевых задач. Был продолжен захват важнейших опорных пунктов и правительственных учреждений. В ночь на 7 ноября пал последний оплот буржуазного правительства – Зимний дворец. Октябрьская революция свершилась.

В актовом зале Смольного открылся II съезд Советов, принявший знаменитые ленинские декреты о мире, земле, об образовании первого в мире рабоче-крестьянского пра-

вительства – Совета Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным. Дзержинский был в президиуме съезда. В своем выступлении он подчеркнул: «Польский пролетариат всегда был в рядах вместе с русским. Декрет (о мире. – *Примеч. авт.*) с энтузиазмом принимает Социал-демократия Польши и Литвы. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это – пролетариат, который борется за социализм. Когда восторжествует социализм, будет раздавлен капитализм и будет уничтожен национальный гнет… Мы не выставляем отделения себя от революционной России. С ней мы всегда столкуемся. У нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров»30.

Одной из важнейших задач молодой власти стал разгром группировки контрреволюционных сил войск Керенского и Краснова. Утром 30 октября 1917 г. начавшееся наступление казачьих сотен Краснова после многочасового боя остановлено в районе Пулкова, а вечером революционные войска освободили Красное Село31.

В начале ноября на Дзержинского возложена ответственность за охрану Смольного института, где размещались ВЦИК, СНК, ВРК и другие важные государственные учреждения. Обследовав состояние охраны, он нашел её неудовлетворительной и предложил реорганизовать комендатуру, удалив контрреволюционные элементы. В ведение Дзержинского перешла выдача постоянных и временных пропусков, проверка служащих учреждений, находившихся на террито-

рии института.

В эти тревожные дни он занимался охраной винных складов, реквизицией товаров у спекулянтов, разрешением митингов и собраний, заботился об охране границы республики, отправке в провинцию оружия и агитационной литературы, о снабжении воинских учреждений и частей продовольствием, мануфактурой и топливом, руководил операциями по розыску ценностей, похищенных в Зимнем дворце, и многим другим.

4 декабря 1917 г. в составе ВРК по предложению Ф.Э. Дзержинского создана комиссия для борьбы с контрреволюцией из пяти человек: Н.А. Скрыпника, И.П. Флеровского, Г.И. Благонравова, А.В. Галкина и В.А. Трифонова32.

Данный отдел стал предшественником Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности, образованной 20 декабря 1917 г. во главе с Ф.Э. Дзержинским. Органы и вооруженные отряды ВЧК при СНК Советской России возглавил человек, имеющий не только богатейший опыт революционера-профессионала, но и многие навыки военной и оперативной работы.

Глава 2
Правовое положение органов и войск ВЧК – ОГПУ

Если мы желаем победить, мы должны быть жестокими и к себе, и к другим.
Ф. Дзержинский

Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., стала первым в истории Основным законом социалистического государства, закрепившим общественные отношения, общественный и государственный строй, сложившийся после Октябрьской революции. Ранее таким законом, по сути, являлась Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая в январе 1918 г.33

По Конституции 1924 г. главным правовым документом Советского Союза, основу единой государственности РСФСР, а затем СССР образовывала система Советов. Именно Советы должны были быть воплощением государства диктатуры пролетариата, призванного проводить революционные преобразования в стране в интересах рабочих и крестьян. Как видим, налицо был ярко выраженный классовый подход.

До октября 1917 г. почти за столетний период корен-

ных изменений в стране не произошло, хотя она пережила несколько революций и реформ социально-политической системы. Причин для этого много. В их числе можно назвать и стремление всякой власти в отсутствие гражданского общества, прикрываясь высокими помыслами, сохранить и защитить прежде всего саму себя. И это ей удавалось с большим успехом при слабой развитости или отсутствии демократических институтов путем усиления и наращивания количества различных охранительных учреждений, что, как правило, вело к созданию полицейского государства.

И в формировавшейся советской системе уже с 1918 г. хорошо видны характерные черты прежнего самодержавного порядка: сверхцентрализация и идеологизация власти, отсутствие выраженного разделения властей, пренебрежение к праву, демократическим свободам, нетерпимость к оппонентам, стремление государства к монополизации всего политического пространства, бесконтрольность и всевозраставшая роль политической полиции, громоздкость и неповоротливость государственного аппарата, бюрократический произвол и неравноправие граждан, превращение большевиков в своеобразное «служилое сословие».

В этом и сила инерции, и приверженность к системе, которая в глазах представителей правящего класса оправдала себя как наиболее способная защитить его. Еще несколько столетий назад А. Кюстин после посещения России писал: «Русский государственный строй – это строгая военная дисци-

плина вместо гражданского управления, это перманентное военное положение, ставшее нормальным состоянием государства»34.

Главная причина такого процесса заключалась в том, что и диктатура большевиков в условиях разделения народа на «своих» и «чужих» в большей мере строилась на основах политической культуры царского времени: цензуры, политической полиции, системы политических преследований и др. А созданная военно-коммунистическая организация общества состояла из огромного бюрократического аппарата и системы чрезвычайных органов, которые при необходимости действовали в обход и иногда даже вопреки государственной машине.

Вместе с тем шел процесс перерастания декларировавшейся «диктатуры пролетариата» в «диктатуру над пролетариатом», осуществлялась подмена диктатуры пролетариата диктатурой партии и свертывание намечавшейся первоначально полновластной деятельности советов. Это происходило по нескольким направлениям: усиление в верхнем эшелоне власти роли исполнительных органов по отношению к законодательным, концентрация значительной части законодательной работы в СНК, падение роли съездов и конференций на губернском, городском и уездном уровнях, принятие большинства решений исполнительными органами советов, узкого состава различной направленности, превращение «чрезвычайщины», основанной на принуждении и насилии,

в один из ведущих принципов, методов и приемов управления, а аппарата ряда отделов (военный, хозяйственный и ЧК) – фактически в самостоятельные органы с подчинением центральным ведомствам, все большую зависимость советов в своих действиях и решениях от партийного аппарата.

Если в 1917 г. большевистская партия выступала на политической арене как демократическая партия под сильным авторитарным руководством, то после прихода к власти в условиях Гражданской войны она претерпела серьезные изменения: из общественной организации трансформировалась в мощный бюрократический аппарат, стала милитаризованной и в высшей степени централизованной, находившейся почти в постоянной мобилизации и дисциплины. На смену «государству-коммуне», «полугосударству» пришла диктатура не пролетариата, а диктатура иного типа – диктатура партии, а точнее, группы лиц, составлявших ее руководство. Она стала постепенно перерастать в диктатуру одного человека. Правящую партию И.В. Сталин рассматривал «как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий орган последнего и одухотворяющий их деятельность», а органы безопасности как «обнаженный меч рабочего класса»35. Иначе и быть не могло, потому что создание Советского государства происходило в экстремальных условиях Гражданской войны, когда сверхцентрализация и государственное принуждение играли важную роль в мобилизации сил и ресурсов страны. Огосударствление пар-

тии большевиков привело к тому, что, воплотившись в государственный аппарат, она была вынуждена представлять и защищать и особенные государственные интересы, которые, развиваясь, все более отчуждали большевиков от их первоначальной задачи защиты интересов рабочего класса и трудового крестьянства.

Большевистская партия перестает играть традиционную для политической партии роль посредника между обществом и государством. Общество оказалось беззащитным перед тандемом «партия – государство». Возросшая роль партийных лидеров приобрела большее значение. При отсутствии концепции разделения властей и институтов системы управления ведущая роль партии в обществе превратилась в ведущую роль лидеров над самой партией. Органы безопасности постепенно превращаются в орудие политической борьбы даже не большевистской партии, а ее лидеров.

Первые страницы истории ВЧК писали люди, не имевшие необходимого опыта, путем проб и ошибок. Во многом оправдались мысли Ф. Энгельса, высказанные им о русских революционерах в 1885 г. Вере Засулич на вопрос о перспективах русской революции: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать»36.

После образования ВЧК в годы Гражданской войны и новой экономической политики советский репрессивный аппа-

рат возглавляли революционеры, в основе работы которых были принципы: «кто – кого», «цель оправдывает средства» и «если враг не сдается, его уничтожают».

Под руководством Дзержинского в силу объективных причин они восприняли силовые методы, упрощенный взгляд на вещи (что может быть проще, чем все объяснять с позиций классовой борьбы). Их жизненным путем стало противоборство с реальными и мнимыми врагами. И каждый из них мог бы сказать о себе словами песни: «И вся-то наша жизнь и есть борьба». Но в процессе борьбы не заметили, как цель удаляется, средства превращаются в самоцель, а кумиры перерождаются. Их судьба по-своему трагична.

В этих условиях органы безопасности занимали особое место в советской политической системе, постепенно становясь все более сильным инструментом власти большевиков. Созданные как временные и чрезвычайные, они превратились в постоянные с ограниченными чрезвычайными полномочиями не только в годы Гражданской войны, но и в период новой экономической политики. Отметим, что один из видных чекистов М.Я. Лацис в декабре 1920 г. считал, что «ВЧК, как орган чрезвычайный и временный, не входит в нашу конституционную систему»37.

Место ВЧК в механизме диктатуры пролетариата определено постановлением СНК РСФСР от 20 декабря 1917 г. И лишь после Гражданской войны ее деятельность стала постепенно вводиться в конституционные рамки, но партийные

приоритеты в руководстве ВЧК – ОГПУ не были отменены. И неслучайно через десятки лет в совершенно секретном «Положении о КГБ при СМ СССР», которое было утверждено Президиумом ЦК КПСС и введено в действие постановлением Совета Министров в январе 1959 г. и продолжало действовать до середины 1991 г., место КГБ в политической системе СССР определялось следующим образом: «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия коммунистической партии и правительства по защите социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственной границы СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов Советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства… Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС»38.

Такой «двойной» политико-правовой статус вполне соответствовал сложившейся системе политического режима и методам руководства. Он не был чем-то характерным только для органов ВЧК – ОГПУ. Любая государственная структура создавалась с согласия партии и «по воле партии» и была пронизана ее элементами, начиная с низового до центрального звена. В любом подразделении была первичная партий-

ная организация (ячейка), которая отвечала за его деятельность и осуществляла постоянный партийный контроль. И «политическая линия, – отмечал не раз председатель ВЧК – ОГПУ, – определяется для нас не в наших группах, а в рамках общепартийной организации»39. Он рассматривал органы безопасности как важную составную часть партии. «Наши ЧК на местах – это отражение наших местных партийных сил. Улучшить ЧК – это значит усилить губком, перед которым губчека, как ВЧК перед ЦК, отчитываются»40.

Решения вышестоящих партийных органов для них были обязательны: парткомы не имели права вмешиваться только в оперативную деятельность чекистов, но зато внимательно следили за повседневной жизнью каждого сотрудника. Обособленность ввиду специфики службы и официальной точки зрения партийного руководства, считавшего органы безопасности «вооруженным отрядом партии». И чекистское ведомство никогда не играло самостоятельной роли и тем более не «стояло над партией» и само не проводило репрессии вопреки воле партии. Легенда о возвышении органов безопасности над партией и государством была изобретена в середине 1950-х гг. самими партийными функционерами. Наоборот, оно было самым послушным, наиболее дисциплинированным и наиболее острым орудием большевиков.

Главные усилия органов безопасности, по мнению Ф.Э. Дзержинского, должны быть направлены на проведение в

жизнь партийных решений. Они, отмечал он, «никогда еще не нарушали партийных директив и линии, а всегда были и есть слуга партии и борец партии». Более того, «ЧК должна быть органом Центрального Комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или в орган контрреволюции»41.

Слова председателя ВЧК – ОГПУ нельзя понимать буквально. Во-первых, органы безопасности не входили в организационную структуру партийного аппарата, а работали по директивам правящей партии и под ее контролем, не как прямые органы; во-вторых, в советском государстве не было ни одной структуры, которая не была бы создана без участия РКП(б). Безусловно, органы безопасности были частью системы государственной власти и государственного управления. Но особой ее частью. Именно «от полноты, интенсивности и своевременности мероприятий, принимаемых ВЧК, зависит, быть может, самое бытие Советской республики»42. И Ф.Э. Дзержинский постоянно указывал на необходимость тесной связи в работе чекистов с советами и различными наркоматами и другими ведомствами: «У нас должна быть ставка на местную власть»43. Он писал, что сотрудники органов ВЧК – ОГПУ не должны подчеркивать «прав и власти ЧК», держаться скромнее, работать под руководством губисполкомов и губкомов, «у которых вся полнота власти, а не в губчека». Более того, считал «вообще опасным, если губчека или ос(обые) отделы будут думать, что они только соль зем-

ли… Чека и ос(обые) от(делы) должны объективно сыграть громадную роль в борьбе с неурядицами. Но это возможно только тогда, если субъективно и даже формально (в правовом отношении) мы будем только слугами (а не спасителями) других ведомств»44.

Осуществляя государственное строительство, политическое руководство страны учитывало специфику каждой составной части государственного аппарата, обращало большое внимание на те его звенья, от которых зависел успех решения задач на данном этапе развития страны. Органы ВЧК – ОГПУ стали как бы опорной структурой для реализации сложных политических решений РКП(б) – ВКП(б). Они претворяли в жизнь «волю партии», ее вождей, только формально подчиняясь Совнаркому, а фактически – Политбюро ЦК Компартии. И правильно утверждал Г. Агабеков: «Если при жизни Дзержинского ОГПУ иногда пускалось в обсуждение того или иного вопроса или постановления ЦК, то после его смерти оно получило при ЦК партии чисто исполнительные функции и не смеет рассуждать»45.

Большевистскому руководству для претворения в жизнь своих планов требовалась организация, перед которой можно было ставить задачи специфического характера. Партийные органы для этого не годились. В борьбе с политическими противниками (от членов антибольшевистских партий до оппозиции) самое большое, что они могли дать, – это оказать моральное воздействие, исключить из партии и в край-

нем случае уволить с работы. Но они не могли арестовывать, допрашивать, проводить судебные процессы и тем более исполнять приговоры. Такие функции были возложены на органы госбезопасности. Это было и одной из главных причин постоянного уточнения компетенции и функциональных обязанностей органов ВЧК – ОГПУ, неизменного возрастания их роли в жизни страны, в том числе и в совершенно несвойственных им сферах деятельности. Очень часто они наделялись особыми полномочиями, выходившими за рамки социалистической законности, действовали по принципу политической целесообразности. А в последующем даже стали орудием внутрипартийной борьбы с оппозиционными группами в самой коммунистической партии.

После октября 1917 г. политические противники не ограничивались диалогом, а прибегли к крайним мерам борьбы. Считаем, что лидеры революционно-демократических партий и большевики 5 января 1918 г. совершили трагическую ошибку, разогнав Учредительное собрание. Ведь народы России с конца 1917 г. ждали от революции только позитивных изменений. Надо прямо сказать, что Россия в этом году в точном смысле слова выбрала (всецело свободно выбрала!) социализм: почти 85 % голосов на выборах в Учредительное собрание получили партии, выступавшие против частной собственности на основные «средства производства», прежде всего на землю, то есть социалистические партии. На смену политическому диалогу пришла

Гражданская война, в которой как красные, так и белые, проводили политику физического уничтожения и устрашения по отношению к своим оппонентам.

При рассмотрении проблемы становления законности нельзя забывать, что это было первое десятилетие после Октябрьской революции. В Советской России не существовало законности в классическом понимании начала XXI века. И здесь, быть может, главный ответ на многие вопросы, которые возникают при обращении к реалиям того времени. Неизвестный поэт писал о «законности» тех лет:

Много законов я в жизни знал.

От этих законов согнулась спина,

От этих законов темнела луна,

От этих законов слезы текли,

Глубокие складки на лбу пролегли.

В процессе развития органов ВЧК менялось и ее правовое положение. 31 января 1918 г. СНК решил разграничить функции органов розыска и пресечения, следствия и суда. «В Чрезвычайной комиссии, – говорилось в постановлении, – концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение

дел, ведение следствий и постановки дела на суд предоставляется следственной комиссии при трибунале»46.

14 февраля 1918 г. ВЦИК на основе директивы ЦК РКП(б) дал ВЧК «права непосредственной расправы» лишь при наличии контрреволюционных или бандитских вооруженных выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, за преступления, указанные в самом постановлении о введении военного положения»47.

Следует иметь в виду, что военное положение вводилось в том случае, когда данная местность становилась театром военных действий или получала для военных целей особо важное значение. Режим военного положения включал в себя меры, направленные на создание условий для отражения агрессии противника, и предполагал расширение прав органов военного управления, ограничение прав и свобод граждан и возложение на них дополнительных обязанностей.

Помимо военного, на территории страны вводилось и исключительное положение при контрреволюционных выступлениях и иных посягательствах на органы власти и отдельных ее представителей, неисполнении или противодействии законным распоряжениям власти со стороны отдельных лиц, если они грозили принять массовый характер, в случае массовых посягательств на личное имущество, при стихийных бедствиях и пр. Решения о введении военного и исключительного положений принимались постановлениями ВЦИК и СНК сроком до трех месяцев и при необходимости про-

длевались. Военное положение вводилось в том случае, когда данная местность становилась театром военных действий или получала для военных целей особо важное значение.

В трудные, критические для советской власти дни 1918 г., когда немцы, прервав мирные переговоры, начали наступление и в короткий срок захватили значительную часть Украины, всю Латвию и Эстонию и реальная угроза нависла над Петроградом, 21 февраля СНК принял подготовленный при участии Ленина декрет-воззвание «Социалистическое Отечество в опасности!». Статья 8 декрета гласила: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»48.

22 февраля 1918 г. ВЧК через газету «Известия» довела «до сведения всех граждан, что до сих пор комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, «основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами», кроме как расстрела. Было объявлено, что шпионы, контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний и участники восстания против советской власти, продавцы и скупщики оружия для отправки белой финляндской гвардии и вооружения контрреволюционной буржуазии Петрограда «будут беспощадно расстреливаться отрядами комиссии на месте пре-

ступления»49.

В этот же день комиссар по гражданской части г. Москвы выдал Дзержинскому удостоверение № 3411 «на право хранения и ношения при себе одного револьвера системы «Браунинг» или «Кольт», а 25 марта 1918 г. товарищ председателя ВЧК В.А. Александрович и секретарь Г.Н. Левитан подписали удостоверение личности Ф. Дзержинского № 159. Ему было дано право «производства обысков и арестов». Всем учреждениям и организациям предложено «оказывать тов. Дзержинскому всяческое содействие»50.

Для выполнения своих служебных обязанностей сотрудники получали соответствующие документы (мандаты). Так, 9 января 1918 г. Е.П. Баклановой выдано следующее удостоверение за подписью Дзержинского: «Предъявительница сего Елена Петровна Бакланова состоит агентом Контрразведывательного отдела при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров.

Настоящим Е.П. Бакланова уполномочивается на задержание всякого рода контрабанды, следующей за границу, почему прошу, как военных, так и гражданских властей оказывать ей при исполнении обязанностей службы всякое законное содействие, что подписью с приложением печати удостоверяется»51.

В борьбе с противниками большевиков на их стороне выступал и сын А.М. Горького. 9 мая 1919 г. председатель ВЧК

подписал ему мандат, действительный до 1 июля 1919 г., которым Максиму Алексеевичу Пешкову предоставлено право «задержания всех подозрительных лиц по его усмотрению для немедленного препровождения в МЧК без права обыска на квартире арестованного». Всем советским учреждениям и партийным органам предлагается оказывать тов. Пешкову всемерное содействие при исполнении им возложенного на него поручения»52.

Сначала статья 8 декрета СНК от 21 февраля применялась ВЧК крайне редко. Первыми приговоренными к высшей мере наказания – расстрелу считаются самозваный князь Эболи (известный под фамилиями Дегриколи, Нонди, Маковский, Долматов) и его сообщница Брит, арестованные и расстрелянные 26 февраля 1918 г. за дерзкие ограбления под видом обысков от имени ВЧК53. Дзержинский первым поставил свою подпись под приговором.

В конце марта 1918 г. за спекуляцию оружием и убийство самокатчика ВЧК, пьянство и разгульную жизнь расстреляны Р. Гигашвили, В. Джикидзе, С. Яковлев, В. Герасимов, С. Абрамов и П. Федотов. Распоряжением председателя ВЧК от 22 марта 1918 г. их деньги и вещи переданы в склад вещей и денег, конфискованных в пользу Республики54.

В эти же дни расстреляны и другие преступники, в том числе главарь шайки налетчиков, бывший поручик Алексеев, шантажисты и вымогатели Смирнов и Строгов, выдававшие себя за сотрудников ВЧК и грабившие посетителей пет-

роградских ресторанов55.

Помимо внесудебных полномочий Коллегии ВЧК на местах существовали чрезвычайные «тройки», которые также выносили внесудебные решения. В органах ВЧК первая тройка появилась весной 1918 г. в составе В.А. Александровича, Ф.Э. Дзержинского и Я.Х. Петерса. Приговоры тройки о высшей мере наказания должны были приниматься единогласно. По существу, решение о создании троек не вносило ничего нового во внесудебный процесс. Ведь на коллегиях губЧК при проведении внесудебных заседаний, как правило, присутствовало не более трех человек.

Как видим, ВЧК впервые получила право на внесудебные репрессии. Это был самый острый вопрос в карательной политике органов безопасности Советской России в годы Гражданской войны и после нее, во время взаимного уничтожения противников в кровавом единоборстве на поле боя и в тылу. Данная мера применялась не только против лиц, принадлежавших к членам политических партий или организаций, но и в превентивном порядке к тем, кто, по мнению руководителей разных советов, директорий, военных диктатур, мог взяться за оружие или оказывать помощь врагу.

Согласимся с профессором И.И Карпецом и П.И. Любинским. Карпец пишет: «Известно, что формы, методы, средства борьбы с преступностью различны в разных социально-политических системах, различны и взгляды на эти средства – даже в рамках одной и той же системы. Отношение

к смертной казни как мере наказания есть в то же время показатель уровня социального и культурного развития общества. Чем оно менее культурно, чем примитивнее взгляды его членов на жизнь и предназначение человека, тем грубее и примитивнее формы «воспитания» его членов, тем безразличнее отношение к человеку и его жизни»56. Любинский идет дальше: «Применение казней – это демонстрация силы в руках фактически слабой государственной власти. Если правительство признает, что оно не может предупредить преступность иными средствами, кроме казней, то этим оно указывает, что потеряло всякое руководящее значение в народной жизни, что силы, творящие правопорядок и двигающие развитие государства, не оказывают ему достаточной поддержки»57.

К тому же «реалии смертной казни таковы, что часто не характер преступления, а национальная или социальная принадлежность, финансовое положение или политические взгляды обвиняемого играют решающую роль при решении вопроса, обречь его на смерть или даровать жизнь. Смертный приговор выносится непропорционально часто в отношении неимущих, беззащитных и обездоленных, а также в отношении тех, кого репрессивные правительства считают целесообразным уничтожить»58.

За двести лет, что прожили с Петра

При добродушьи русского народа,

При сказочном терпеньи мужика, —

Никто не делал более кровавой

И страшной революции, чем мы59.

На вопрос о причинах братоубийственной войны историки давно дали ответ. Отметим лишь, что в то драматическое время ни большевики, ни белогвардейцы, ни меньшевики, ни эсеры не желали идти на какие-либо компромиссы. «Родившийся в Февральской революции как стихийный самосуд революционной толпы рабочих, солдат и матросов», красный террор, по мнению А.И. Степанова, «трансформировался в строго централизованную, целенаправленную и весьма эффективную систему наблюдения, фильтрации, устранения, подавления и уничтожения всех потенциальных, скрытых и явных противников большевистского режима»60.

Как видим, в условиях бескомпромиссной классовой борьбы большое значение имели вопросы, связанные с применением насилия, введением чрезвычайных мер. Известный немецкий философ Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» признавал карательную деятельность государства как выражение силы и разума61. Именно в сочетании этих двух понятий: сила и разум, но в политике в годы Гражданской вой-

ны и после нее все же мало полагались на разум.

Миллионы граждан в полной мере впитали в себя и несли впоследствии многие годы военную психологию и убеждение в необходимости решать все актуальные вопросы жизни силой оружия. Цена человеческой жизни упала до минимума. Конечно, в идеале государство должно было обеспечивать защиту интересов всех законопослушных граждан, всех социальных слоев или подавляющего большинства населения. И они вынуждены широко использовать меры, в том числе и подавление политических противников, ограничивать их в правах, применять другие, в том числе и насильственные меры – от принуждения до физического уничтожения.

Сам факт использования крайних возможностей государственной машины оказывал серьезное эмоциональное воздействие на каждого человека и заставлял его приспосабливаться к власти. Еще В.О. Ключевский писал, что «личность и общество – две силы, не только взаимодействующие, но борющиеся друг с другом, это хорошо известно; известно также, что движение человеческой жизни становится возможным благодаря только взаимным уступкам, какие делают эти силы»62. Но дело в том, что представители противоборствующих сторон не были настроены на диалог. Для достижения своих целей они были готовы идти до конца. Объясняя применение высшей меры наказания советской властью в годы Гражданской войны, Дзержинский говорил: «…Когда

мы подходим к врагу, чтобы его убить, мы убиваем его вовсе не потому, что он злой человек, а потому, что мы пользуемся орудием террора, чтобы сделать страх для других»63.

Логика классовой борьбы вела к тому, что жестокость одной стороны порождала жестокость другой, и наоборот. Классовая борьба в России началась не в 1917 г. Задолго до этого поэт Ю.М. Лермонтов предвидел её трагический исход:

Настанет год, России черный год,

Когда царей корона упадет;

Забудет чернь к ним прежнюю любовь.

И пищей многих будет смерть и кровь;

Когда детей, когда невинных жен

Низвергнутый не защитит закон64.

Нарастание противостояния сторон, которое вело к крайним формам борьбы, шло с конца XIX в. С одной стороны, народ, доведенный до отчаяния, от экономических стачек перешел к вооруженному восстанию, с другой – царское правительство вводило военное положение, военно-полевые суды, применяло массовые расстрелы, провоцировало черно-

сотенные погромы и др. Понятие белого и красного террора впервые появилось во время Великой французской буржуазной революции.

Классовая характеристика террора возникла в 1918 г. для обозначения и оправдания действий сторон. Террор в России был порожден Гражданской войной, которая началась как борьба демократической и тоталитарной альтернатив развития общества, но вскоре за несостоятельностью первой переросла в противостояние военных режимов. Война велась вне правовых норм. Каждый сражавшийся рассматривал своего противника как предателя родины и нации. Красные расстреливали гораздо больше белых, в том числе и крестьян, но в отличие от своих противников заложников почти никогда не вешали, никогда не пороли, дабы не пробуждать у народа память о барских временах, когда крепостных секли на конюшне, и о совсем недавних «столыпинских галстуках»65.

В начале 1918 г. противникам советской власти противостояли губернские ЧК, которые боролись с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, вели наблюдение за контрреволюционной буржуазией, их организациями и поддерживали революционный порядок. Уездные ЧК и комиссары исполняли ту же работу по своему уезду; в волостях из волостного совета назначался комиссар, который должен совмещать в себе и комиссара милиции. Его обязанностью было недопущение контрреволюционной, по-

громной агитации и выступлений в своей волости, а также наблюдение за поведением кулаков, пресечение их подрывных действий. Волостные комиссары подчинялись УЧК или комиссару66. Но уже к концу 1918 г. ее территориальные органы рассматривали дела, подлежащие разрешению в судебных инстанциях, и выносили постановления о заключении в тюрьму на срок или без срока, которые могли приниматься революционными трибуналами и народными судами.

После смертельного ранения эсерами 20 июня 1918 г. члена Президиума ВЦИК, комиссара по делам печати Петроградского Совета В. Володарского (Гольдштейна М.М.), убийства М.С. Урицкого 30 августа 1918 г. и ранения В.И. Ленина большевики перешли к «красному террору». Отметим, что с момента существования до июн**я** 1918 г. ВЧК расстреляла 26 контрреволюционеров67.

Многие авторы указывают, что решение о нем принято 5 сентября 1918 г. Но до декрета, 9 августа 1918 г. на встрече с Лениным Петерс доложил о неспокойной обстановке в Нижнем Новгороде. После чего тот направил председателю Нижегородского губисполкома Г.Ф. Федорову ставшую знаменитой телеграмму о необходимости расстрела «проституток, спаивающих солдат», и прочей им подобной публики.

Первое же официальное постановление о красном терроре было принято не 5 сентября, а за три дня до этого:

«2 сентября 1918 г.

О красном терроре (Телеграфно)

На совместном совещании Всечеркома, районных Чрезкомов Москвы, в присутствии Наркомюста и представителя президиума ЦИКа постановлено:

Первое: **арестовать всех видных меньшевиков и правых эсеров и заключить в тюрьму.**

Второе: **Арестовать**, как **заложников, крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контр-революционных попов** всех враждебных советской власти **офицеров** и заключить всю **эту публику в концентрационные лагери**, установив самый надежный **караул, заставляя** этих **господ** под конвоем **работать**. При всякой попытке **сорганизоваться, поднять восстание, напасть на караул** – немедленно **расстреливать.**

Третье: **всех лиц, содержащихся** за Губчрезвкомами, уездчрезвкомами до сего времени, и у которых **было найдено огнестрельное оружие, взрывчатые вещества – расстрелять** немедленно по постановлению комиссии на местах, а также р**асстрелят**ь **всех лиц, явно уличенных** в контр-революции, заговорах, восстании против советской власти.

Четвертое: **впредь у кого будет найдено** огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, **кто будет явно уличен** в контр-революции, заговорах, восстании против советской власти – **без проволочек** по постановлении губчрезвкомов, уездчрезвкомов – **расстрелять**.

Пятое: **бывших жандармских офицеров, исправников – расстрелять** немедленно.

Шестое: будьте **сугубо аккуратны** при приговорах с **рабочими, крестьянами**, **солдатами**, когда они являются хранителями оружия; с контрреволюционерами **их не расстреливать, держать в тюрьме**.

Седьмое: данный приказ выполнить неуклонно, о каждом расстреле донести Всечрезвком.

Восьмое: за разглашение приказа привлекать к революционной ответственности.

Всечрезвком»68.

Декрет СНК о красном терроре принят 5 сентября 1918 г. народным комиссаром юстиции Д.И. Курским, народным комиссаром по внутренним делам Г.И. Петровским, управляющим делами СНК В.Д. Бонч-Бруевичем и секретарем Л.А. Фотиевой по докладу Ф.Э. Дзержинского о деятельности ВЧК: «В сложившихся условиях СНК находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица,

прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»69.

19 сентября 1918 г. Дзержинский подписал «Инструкцию ВЧК о работе местных чрезвычайных комиссий», которой основной задачей ЧК определил беспощадную борьбу с контрреволюцией. Он предложил все дела, по которым закончено следствие, ликвидировать самим комиссиям. Исключения составляли дела, относительно которых выносились особые постановления комиссии об их передаче в другие инстанции: революционный трибунал, Верховный и местные, народные суды и т.п. Из преступлений по должности ЧК должны принимать к рассмотрению только дела особой важности, представляющие опасность для Советской республики. Все остальные – передаются ими в народные суды и революционные трибуналы70.

В газете «Петроградская правда» за подписью председателя Петроградской ЧК В.Н. Яковлевой появились первые шесть списков расстрелянных, количество которых составило 106 человек. Число расстрелянных в дни красного террора, который официально продолжался до 6 ноября 1918 г., составило несколько тысяч человек. К политике красного террора в ходе Гражданской войны советская власть прибегала еще не раз, не объявляя об этом.

Большевики оправдывали красный террор революцион-

ной целесообразностью, потребностью защиты самой власти, отчаянным сопротивлением свергнутых классов, навязавших террор. В последующем, 17 февраля 1919 г., обосновывая необходимость данной меры, Ф.Э. Дзержинский говорил на заседании ВЦИК: «Красный террор был не чем иным, как выражением воли беднейшего крестьянства и пролетариата – уничтожить всякие попытки восстания и победить. И эта воля была проявлена. И вот краткий период этого красного террора обнаружил, что в самой России нет другой силы, кроме силы рабочих и беднейших крестьян и их партии – партии большевиков, что нет той группы, что нет той партии и нет того класса, которые могли бы взять власть в России, кроме них. Красный террор победил, показав эту силу. Это было тем условием, при наличии которого можно было влить надежду и уверенность в победе в сердцах тех, которые среди нас самих, может быть, сомневались в успехе борьбы нашей, и доказать загранице, что силы наши неисчерпаемы»71.

Следовательно, крайней мерой борьбы с политическими противниками и у красных, и у белых стал террор, применявшийся ими с целью укрепить свою власть путем устрашения и подавления врага крайне суровыми насильственными мерами вплоть до физического уничтожения.

До XX века во время революционных перемен, где бы они ни случились, крайним мерам отдавалось предпочтение. Так и в России.

Великий Петр был первый большевик,

Замысливший Россию перебросить,

Склонениям и нравам вопреки,

За сотни лет, к ее грядущим далям.

Он, как и мы, не знал иных путей,

Опричь указа, казни и застенка,

К осуществленью правды на земле72.

В рассуждениях ряда историков события, происходившие в нашей стране в начале XX века и ранее, ее история представляется как история кровавых правителей: Ивана Грозного, Петра I, Сталина… И совершенно не рассматривается поведение руководителей других государств в это же время, какими были обычаи и традиции народов. Так, Иван Грозный за годы своего правления казнил четыре тысячи человек, а английская королева его времени Елизавета I – 89 тысяч. При этом российский монарх для многих стал символом жестокости, а британская королева – великим государственным деятелем.

В России террор родился до прихода большевиков к власти, он шел по стране с начала XX века. После подавления

революции 1905—1907 гг. в период разгула столыпинской реакции смертная казнь применялась в невиданных ранее размерах. Массовым явлением становится внесудебное применение смертной казни по решению губернаторов и главнокомандующих. Число казненных без суда и при отсутствии обвинительного приговора только в декабре 1905 г. составило 376 человек, в 1907 г. лишь в Варшаве казнено 127, а в 1908 г. – 184 революционера. Варшавский генерал-губернатор Скалон подписал тысячу смертных приговоров. В тюрьмах России в 1909 г. томилось 170 тыс. человек73.

Нельзя не отметить, что жестокость в России имела глубокие корни. «Будущий историк, – писал известный правовед профессор В.М. Гессен, – если он захочет объективно разобраться в бесконечно сложных событиях пережитой нами эпохи, если он захочет понять ту непримиримую ненависть, то безумное ожесточение масс, на почве которых создалась анархия кровавого террора, – этот историк, разумеется, вспомнит, что то поколение, на дела которого выпала тяжелая историческая задача обновления государственного уклада России, является больным, политически и морально развращенным поколением, – поколением, которое не видело иного государственного порядка, кроме порядка чрезвычайных, исключительных по своей жестокости полицейских мер, и лишь по книгам знает об общих законах Российской Империи…»74 К тому же в России отсутствовало уважение и к праву, и к закону. Совершенно верно отмечал на III съез-

де Советов СССР М.И. Калинин: «…Закон был законом, а жизнь шла у нас своим путем… Наши революционные законы, вообще говоря, суровы; им же соответствуют и суровые органы. А все это соответствует настоящему жестокому времени борьбы нового мира за право на свое существование и развитие»75.

После Февральской революции 1917 г., когда еще не было ВЧК, террор охватил страну. Все предреволюционные мотивированные эксцессы левых эсеров против царских чиновников, анархистов-безмотивников, лихих бомбистов и револьверщиков померкли после Февральской революции. Акты самосуда, оскорбления и насилия, убийства и расправы применялись не только к сотрудникам охранных отделений, полиции, жандармским офицерам, но и к сотням ни в чем не повинных морских офицеров, которых расстреливали на Балтике, в армии поднимали на штыки командиров полков. Почти половина помещичьих усадеб выгорела именно в 1917 г., а их хозяева физически истреблены или изгнаны с нажитых мест. Империалистическая война перевернула все представления о нравственности. За три года исчезло уважение к церкви и ее заветам. В образованном человеке, в любом чиновнике стали видеть обманщика, врага. Война стала повивальной бабкой не только революции, но и террора.

Отметим, что возможность превращения террора в систему беспокоила многих сторонников большевиков и они гово-

рили об опасности развития событий, когда политика подавления не стала бы «общим правилом на длительное время». Об этом предупреждала Р. Люксембург еще в 1918 г. На это же обратил внимание Дзержинского народоволец Н. Морозов 11 августа 1921 г.: «…Весь вопрос для меня заключается лишь в том, как сохранить в полной ценности чисто гражданские приобретения революции и сможете ли Вы, сами же, благополучно привести в устойчивое равновесие слишком откачнувшийся влево маятник?» Но в последующем случилось то, что предвидел Морозов. Трагедия коснулась миллионов людей.

21 июля 1919 г. патриарх Тихон обратился к пастве с посланием, в котором, в частности, сказал: «Пролитая кровь всегда взывает к новой крови, и отмщение – к новому возмездию… Когда многие страдания, обиды и огорчения стали бы навевать вам жажду мщения, стали бы проталкивать и в твои, православная Русь, руками меч для кровавой расправы с теми, кого считала бы ты своим врагом, – отбрось далеко так, чтобы… никогда рука твоя не потянулась бы к этому мечу». Но машина, работавшая на полном ходу, подминала оставшиеся священные аксиомы, признанные юристами всего мира. Вслед за презумпцией невиновности под жернова отправилась первейшая заповедь законника: «Закон обратной силы не имеет».

В ВЧК пример в проведении красного террора подавали члены коллегии. Апологетом крайней репрессивной по-

литики, ее идеолога и глашатая, последовательным сторонником усиления карательных функций выступил М.Я. Лацис. «ВЧК, – писал он, – самая грязная работа революции. Это – игра головами. При правильной работе полетят головы контрреволюционеров, но при неверном подходе к делу мы можем проиграть свои головы… Установившиеся обычаи войны, выраженные в разных конвенциях, по которым пленные не расстреливаются и прочее, все это только смешно: вырезать всех раненых в боях против тебя – вот закон Гражданской войны»76.

Взгляды Лациса на деятельность ЧК позднее изложены им же в книге «Чрезвычайные комиссии в борьбе с контрреволюцией»: «ЧК – это не следственная коллегия и не суд. […] Это – боевой орган партии будущего, партии коммунистической. Она уничтожает без суда или изолирует от общества, заключая в концлагерь. Мы всё время были чересчур мягки, великодушны к побеждённому врагу и недооценивали его жизнеспособность и подлость… В самом начале необходимо проявить крайнюю строгость, неумолимость, прямолинейность: что слов, что закона. Работа ВЧК должна распространяться на все те области общественной жизни, где вкоренилась контрреволюция, за военной жизнью, за продработой, за народным просвещением, за всеми положительно хозяйственными организациями, за санитарией, за пожарами, за народной связью и т.д. и т.д.»77.

Одним из главных организаторов красного террора стал

Я.Х. Петерс. Он руководил разгромом «Союза защиты родины и свободы» Б.В. Савинкова в Москве и Казани, причем в это дело «записывал» всех недовольных советской властью. В обоих городах по его «ордерам» расстреляны без суда несколько сотен человек.

7 октября 1918 г. Петерс вместе с Морозом и Фоминым подписал приказ ВЧК № 62 о правах применения расстрелов ЧК: «Отдайте распоряжение, чтобы все подведомственные Вам чрезвычкомы прекратили самостоятельные расстрелы. Отныне каждый приговор, вынесенный подведомственным вам чрезвычкомом, чтобы санкционировался Вами. Имеют право самостоятельного расстрела Всечревычком и губчрезвычком». Было указано всем губЧК на необходимость «помнить и иметь в виду, что центральная власть стоит на точке зрения беспощадной борьбы с действительными врагами, давая послабление и льготу от террора группам, пассивным к политической борьбе…»

По предложению Комитета обороны г. Петрограда Петерс назначен начальником оперативного штаба внутренней обороны 28 мая 1919 г., а затем начальником внутренней обороны города. Он развернул кампанию массового террора. Лично возглавил повальные аресты и расстрелы. Даже по телефонным книгам составлены списки подлежащих аресту бывших сановников, военных, капиталистов, дворян и тому подобных. Издал распоряжение об аресте жен и членов семей, перешедших к белым командиров Красной армии, провел

чистку комсостава гарнизона, в результате которой арестовано более 200 человек. Одним из его первых решений было издание 11 июня приказа о поголовном обыске во всех жилых помещениях города для «изъятия» «подозрительных лиц», а также «бывших» (полицейских, жандармов, офицеров и унтер-офицеров) и не имеющих выданного большевиками «вида на жительство». Обыску подлежали и храмы, и нежилые помещения. Задержанных во время облавы либо высылали из города, либо казнили по «ордерам». В дополнение к приказу издана «Инструкция по производству осмотра Петрограда». По ней каждый район разбивался на участки, в которых проводился поголовный осмотр всех жилых и нежилых помещений, храмов всех вероисповеданий, колоколен, чердаков, подвалов, сараев и складов с основной задачей обнаружения оружия. Задержанию при обысках подлежали: дезертиры, непрописанные граждане, лица, вообще не имевшие видов на жительство; все бывшие полицейские чины до околоточных включительно и все бывшие жандармские офицеры и унтер-офицеры. В городе «деятельность» Петерса вызвала массовое недовольство населения.

В мае 1918 г. член Коллегии ВЧК М.С. Кедров направлен на Север командовать Северо-Восточным участком завесы. В то время политическая ситуация в северных губерниях была критической: власть уходила из рук большевиков. Значительное влияние меньшевиков и эсеров, угроза военной интервенции, отсутствие политически грамотных советских и

партийных кадров способствовали ослаблению большевистского влияния, а отсюда и стремление в борьбе с противниками советской власти применять массовый террор, активным сторонником которого был Кедров. «Шигалев нашей современности» – как называл его Варлам Шаламов78.

Женщина-комиссар В.Н. Яковлева, руководила допросами, расстрелами и карательными операциями продотрядов, отличалась полным отсутствием какой-либо жалости. По свидетельству нидерландского дипломата Виллема Аудендейка, была «страшным человеком» и отличалась «нечеловеческой жестокостью».

А.В. Эйдук, будучи в руководстве ВЧК, поражал даже других чекистов своей кровожадностью. Его запомнили с маузером в руках и перекошенным лицом, прямо заявлявшим, что личное участие в расстрелах доводит его до экстаза. А до революции был поэтом и даже писал сентиментальные стихи в декадентском духе мастеров Серебряного века. Во время работы в НКВТ шокировал коллег по новому месту службы тем, что, прислушиваясь к реву автомобильных моторов во внутренних дворах Лубянки (НКВТ располагался недалеко от здания ВЧК – ГПУ), радостно сообщал: «Это наши опять контру расстреливают»79. Против ужесточения репрессий выступил только Г.И. Бокий. После убийства М.С. Урицкого – заместителя председателя ЧК Союза коммун Северной области и Петроградской ЧК. В резкой форме он возразил председателю СНК Петроград-

ской трудовой коммуны, председателю Комитета революционной обороны Петрограда Г.Е. Зиновьеву, настаивавшему на уличных расстрелах без суда и следствия.

Пишем о жестокости чекистов, но и высшее политическое руководство Советской России не отличалось гуманным отношением к своему населению. Так, в сентябре 1918 г. в одной из влиятельнейших газет «Северная коммуна» опубликовано беспрецедентное требование члена ЦК РКП(б) и председателя Петроградского Совета Г.Е. Зиновьева (с 1919 г. глава Коминтерна): «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить»80. Ему вторил «любимец партии» Н.И. Бухарин: «Из наличного человеческого материала мы будем создавать коммунистическое человечество разными методами, в том числе и методом расстрелов»81.

Во время красного террора Дзержинский лично проводил следствие и выносил приговоры без суда. Так, 10—14, 19, 21 сентября 1918 г. им были приняты решения о судьбе 115 человек, при этом: освобожден 41 человек, направлено на доследование 15 дел, передано в народный суд – 2, в ревтрибунал – 1, оставлен заложником – 1, отправлены в концлагерь – 26, расстреляно – 17, выслан на родину – 1, оштрафован – 1 человек82.

Как видим, красный террор вершили люди, которые руководствовались не законом, а политической целесообраз-

ностью и собственным правосознанием. Смысл и содержание советской законности в 1919 г. подменило известное постановление РВС Республики от 4 февраля, которое прямо предписывало революционным военным трибуналам в своих решениях и приговорах руководствоваться коммунистическим правосознанием и революционной совестью83.

Еще осенью 1918 г. на территории Советской России в ряде партийных организаций и советов, а также в периодической печати началась острая дискуссия по вопросам правового положения ЧК. Некоторые партийные и советские работники считали, что наиболее трудный период Гражданской войны прошел, контрреволюция разбита и надобность в ВЧК и ее органах отпала. Поэтому они настаивали на ликвидации ВЧК, губернских и областных ЧК, на передаче розыскных функций уголовному розыску, следственных – ревтрибуналам. Задачу подавления открытых выступлений предлагали возложить на милицию.

2 октября 1918 г. вопрос о ВЧК обсуждался в ЦК РКП(б), который поручил Дзержинскому составить проект положения о ВЧК с тем, чтобы урегулировать деятельность центральных и местных ЧК, а также их взаимоотношения с другими советскими учреждениями. Была создана комиссия, в которую вошли представители ВЧК, НКВД и НКЮ.

Во время работы комиссии в № 3 «Еженедельника чрезвычайных комиссий» от 6 октября 1918 г. опубликована статья «Почему вы миндальничаете?» за подписью уездного ис-

полкома Нолинска Вятской губернии, в котором Дзержинский отбывал свою первую ссылку. Она была написана по поводу освобождения организатора антисоветского заговора английского дипломата Р.Г.Б. Локкарта. В статье предлагались самые крайние меры воздействия вплоть до пыток арестованных контрреволюционеров при их допросах. В связи с этим Президиум ВЦИК признал, что это находится в глубоком противоречии с политикой и задачами советской власти. 25 октября 1918 г. ЦК РКП(б), осудив нолинцев за их статью и редакцию за ее публикацию, решил: «Еженедельник» закрыть и назначить «политическую ревизию ВЧК комиссией от ЦК в составе Каменева, Сталина и Курского. Поручить комиссии обследовать деятельность чрезвычайных комиссий, не ослабляя их борьбы с контрреволюционерами»84.

27 декабря 1918 г. президиум ВЧК еще раз обсудил вопрос «О Нолинске» и постановил: «Отказать уездной ЧК в праве расстрела. В экстренных случаях предложить действовать с согласия исполкома и комитета партии РКП(больш.)»85.

Как одно из действенных средств связи с широкими слоями населения в 1918 г. в Казани ЧК по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте начал издаваться журнал «Красный террор». Он в большей степени предназначался для практической работы армейских и территориальных ЧК, расположенных по всей линии Восточного фронта и в ближайшем тылу. Председатель ЧК при СНК РСФСР по борьбе

с контрреволюцией на Чехословацком фронте М.Я. Лацис 1 ноября 1918 г. в первом номере журнала призвал в ответ на белый террор объявить красный (он уже был объявлен. – *Примеч. авт.*), советуя всем советским и чекистским работникам не искать «в деле обвинительных улик» о конкретных антисоветских действиях тех или иных лиц, а выяснять классовое происхождение, образование или профессию обвиняемого, что должно, по его убеждению, разрешить судьбу арестованного. В.И. Ленин резко осудил высказывание М.Я. Лациса, потому что эта позиция не учитывала изменения в политике большевиков, не соответствовала никаким нормам понимания законности и порядка в стране. Журнал был вскоре закрыт, а Лацис откомандирован в ВЧК. Вышел только один номер журнала86.

Подготовленное комиссией «Положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях» принятого ВЦИК 28 октября. Оно признавало ВЧК центральным органом, объединявшим деятельность местных ЧК и боровшихся с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности на территории РСФСР и вновь подтверждало ее непосредственное подчинение СНК. Местные ЧК создавались советами как один из отделов исполкома.

В положении отмечалось, что ВЧК работает в тесном контакте с НКВД и НКЮ, ее члены назначаются СНК, а председатель входит в коллегию НКВД. В свою очередь, НКВД и НКЮ делегируют своих представителей в ВЧК; ВЧК и мест-

ные ЧК имеют право на организацию при себе особых вооруженных отрядов, численность которых устанавливается исполкомами Советов депутатов по согласованию с ВЧК. Все отряды ВЧК и местных ЧК находятся под контролем и на учете РВС Республики; члены местных ЧК назначаются и отзываются местными исполкомами, а председатели избираются исполкомами и утверждаются ВЧК; вышестоящие органы ВЧК имеют право посылать в низшие органы своих представителей с решающим голосом; постановления местных ЧК могут быть приостановлены и отменены ЧК высшей инстанции; ВЧК разрабатывает инструкции для местных ЧК87.

В приказе № 86 от 15 ноября 1918 г. Дзержинский писал: «Все это доказывает, что чрезвычайная комиссия не вполне ясно представляет себе функции чрезвычайных комиссий. Чрезвычайные комиссии, являясь органом борьбы, должны применять меры наказания лишь в административном порядке, т.е. меры предупреждения тех или иных незаконных действий, для чего комиссии и прибегают к арестам (в административном порядке), высылкам и т.д. Незаконченные же следствием дела о незаконных действиях отдельных лиц и организаций должны передаваться в судебные инстанции, каковыми являются революционные трибуналы, народные суды и пр. на предмет осуждения виновных, но ни в коем случае комиссии не должны брать на себя функции этих судов»88.

В последующем в инструкции местным ЧК, утвержден-

ной ВЧК 1 декабря 1918 г., право на применение высшей меры наказания имели губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК. А это означало, что применять расстрел можно было в административном порядке, без предания человека суду.

При изучении политики террора, проводимой большевиками, и, в частности, председателя ВЧК – ОГПУ, следует быть объективными. Многие исследователи ответственность за террор, как правило, возлагают на «красных», оставляя в тени «белых». В связи с этим необходимо остановиться более обстоятельно на этой проблеме, что также поможет понять взгляды председателя ВЧК – ОГПУ на карательную политику.

Отметим, что различные формы белого террора проявились не только в Советской России, но и в Финляндии, Германии, Венгрии, Баварии и Словакии.

Политические противники большевиков проводили националистический террор, погромы и резню на конфессионально-этнической почве. Переплетение различных видов террора порождало все новые и новые, более жестокие и изощренные формы и методы насилия. Только петлюровский террор унес, по некоторым оценкам, 300 тыс. жизней. А.В. Пешехонов неслучайно обратился к А.И. Деникину с таким вопросом: «Или вы не замечаете крови на этой (белогвардейской. – *Примеч. авт.*) власти?» Такой упрек мог быть сделан любому белогвардейскому правительству. Меж-

ду красным и белым террором было много общего. На это обратил внимание С.П. Мельгунов, но «белый» террор всегда был ужаснее «красного», другими словами, реставрация несла с собой больше человеческих жертв, чем революция». Однако красный террор, отмечал он, отличался от белого продуманной системой. «Слабость власти (белой. – *Примеч. авт.*), эксцессы, даже классовая месть и… апофеоз террора – явления разных порядков»89.

Белый террор не был стихийными вспышками насилия, а вполне продуманными, целенаправленными акциями властей. Он проводился Комитетом членов Учредительного собрания (КОМУЧем), Уфимской директорией, Временным Сибирским правительством, Верховным управлением Северной области, белогвардейскими военными режимами и казачьими атаманами.

8 июня 1918 г. в Самаре эсеры и меньшевики образовали первое антибольшевистское всероссийское правительство России Комитет Учредительного собрания (КОМУЧ) после захвата города чехословацким мятежным корпусом. Он распространил свою власть на Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и часть Саратовской губерний. После поражения в сентябре 1918 г. «народной армии» от Красной армии КОМУЧ оставил значительную часть территории и самораспустился, уступив 23 сентября 1918 г. свою власть Уфимской директории – «Временному Всероссийскому правительству». В октябре 1918 г. из Уфы оно пере-

ехало в Омск. Теперь уже Сибирское правительство восстановило частную собственность на землю, запретило рабочие организации, стачки и др. Несколько ранее, 2 августа 1918 г., после высадки интервентов в Архангельске создано Верховное управление Северной области во главе с народным социалистом Н.В. Чайковским.

Характерной чертой «демократических правительств» и военных диктатур была опора на интервентов. Призванная ими на помощь более чем миллионная армия, в том числе 280 тыс. австро-германцев и около 850 тыс. англичан, американцев, французов, чехословаков и японцев, способствовала расширению масштабов Гражданской войны и белого террора.

«Демократы» активно участвовали в становлении всеобщей системы белого террора, хотя его проводили подчас под прикрытием «революционной» риторики. Придя к власти, Временное областное правительство Урала 27 августа 1918 г. установило власть партии народной свободы, эсеров и меньшевиков и заявило о поддержке Учредительного собрания. КОМУЧ декларировал восстановление демократии и свободы, создав 30 августа 1918 г. в Самаре даже Совет рабочих депутатов. Он отменил декреты советской власти, возвратил заводы и фабрики их прежним владельцам, объявил свободу частной торговли, восстановил земства, городские думы и другие учреждения. В Архангельске и губернии Верховное управление Северной области также высказа-

ло свою приверженность Учредительному собранию. Но все рассуждения о демократической республике и Учредительном собрании в условиях Гражданской войны везде оборачивались установлением всевластия террора и подавлением всякого инакомыслия. В действиях по укреплению власти много сходного в Поволжье, Сибири, Архангельске и других районах страны.

Репрессивными органами белого террора были не только гражданские ведомства (юстиции, государственной охраны, внутренних дел), но и военных ведомств. Глава КОМУЧа В.К. Вольский заявил: «Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли лучше».

КОМУЧ создал Государственную охрану, цензурные отделения штаба народной армии и назначил главноуполномоченных в губерниях и уездах. В августе 1918 г. картельная организация выделена в специальную часть охраны во главе с Е.Ф. Роговским. 18 сентября 1918 г. образован чрезвычайный суд из представителей чехословаков, народной армии и юстиции. В военном ведомстве действовало Военно-судное управление. Под его началом находились следственные органы в частях народной армии, военно-полевые суды, специальные места заключения, а также концлагеря. Сначала военно-полевые суды при КОМУЧе были только во фронтовых частях, но затем и в тылу, в села направлялись картельные отряды. Временное Сибирское правительство 3 августа 1918

г. образовало политический суд Всесибирского учредительного собрания.

Для подавления политических противников антисоветские правительства приняли чрезвычайные законы. Специальными постановлениями они объявили о принудительной мобилизации в армию, ввели систему безжалостных реквизиций различного имущества для нужд армии и хлебных запасов у крестьян и др. 20 июня 1918 г. КОМУЧ объявил военное положение сначала в прифронтовой полосе, 7 июля – в Самаре, а 3 октября 1918 г. на всей территории. Население местностей, объявленных на военном положении, подлежало преданию военно-полевым судам за выступления против существующей власти и любое сопротивление ей, за шпионаж и др. Военно-полевые суды получили право безжалостно карать «врагов» вплоть до осуждения их к 20-летней и пожизненной каторге. 18 сентября 1918 г. введена смертная казнь, запрещены всякие собрания, совещания и митинги. Главноуполномоченные КОМУЧа наделены исключительными полномочиями в губерниях и уездах. Они могли заключить под стражу, закрыть любое собрание и съезд, подвергнуть аресту и штрафу.

Временное Сибирское правительство 3 августа 1918 г. постановило предать всех представителей советской власти политическому суду Всесибирского учредительного собрания. В результате только в Омске расстреляно 1500 человек. Верховное управление Северной области сразу начало аресто-

вывать большевиков, левых эсеров, советских работников.

На территории, подконтрольной антисоветским правительствам, обычным явлением стали самосуды, погромы, показательные и массовые аресты по доносам, телесные наказания, повальные обыски жителей городов и сел без соблюдения установленных правил. По отношению к арестованным царил произвол. Наказывались не за конкретную деятельность, а лишь за принадлежность к политической партии и за идейные убеждения. Только в местах заключения на подвластной КОМУЧу территории Министерством юстиции содержалось около 20 тысяч человек. На Севере за один год на территории с населением 400 тысяч человек только через архангельскую тюрьму прошло 38 тысяч арестованных, из них 8 тысяч расстреляно и более тысячи умерло от побоев и болезней. Город Екатеринбург превратился в одну сплошную тюрьму. Почти все здания заполнены в большинстве невиновными арестованными. В Восточной и Западной Сибири тюрьмы также переполнены. В Ижевске около 3 тыс. человек содержалось на баржах, приспособленных под временные тюрьмы. В Мурманске интервенты превратили корабли и баржи в плавучие тюрьмы. За колючей проволокой в десятках концлагерей под открытым небом в Тоцкое, Бузулуке и уездах содержались арестованные; концлагерь смерти создан на безлюдном о. Мудьюг. Условия, в которых содержались арестованные, были невыносимо тяжелыми. Никаких человеческих и гражданских прав за арестованными не призна-

валось, и в любой момент они могли стать жертвой грубого произвола.

Кровавые расправы учинены в Казани, Ижевске, Воткинске, во многих заводских поселках и деревнях Прикамья, в Архангельске. На большевиков и сторонников советской власти устраивалась настоящая охота, была установлена система заложничества. Неудачи на фронте вели к ужесточению «беспощадных расстрелов» дезертиров, пленных красноармейцев. При наступлении Красной армии узников тюрем и лагерей эвакуировали в «эшелонах смерти» в Самару, Уфу, а оттуда в «белую» Сибирь и на Дальний Восток в лютые морозы, когда свирепствовала эпидемия тифа и др. болезни при отсутствии теплой одежды и медицинской помощи. С особой жестокостью подавлялись восстания недовольных существовавшим режимом: в начале сентября 1918 г. расстреляны из орудий и пулеметов около 1000 рабочих Казанского порохового завода, арестованных, женщин и детей.

Политические режимы в различных регионах опирались не только на собственные интересы, а и на ту часть населения, которая предпочитала политике большевиков более демократические лозунги социалистов. Но всюду, где у власти оказывались деятели «третьей силы» из мелкобуржуазных партий, наряду с радикальными белыми офицерами они расчищали путь белой контрреволюции. Народной армией КОМУЧа командовал полковник В.О. Каппель, главной военной силой являлись легионеры чехословацко-

го корпуса; Верховное управление Северной области в 1919 г. проложило дорогу военно-диктаторскому режиму генерала Е.К. Миллера; еще до установления в Омске диктатуры А.В. Колчака режим Прикамья скатился к методам неприкрытой военной диктатуры. До переворота Колчака фактическая власть в Омске находилась в руках монархистского белогвардейского отряда атамана Красильникова. Выступая на съезде земств и городов Поволжья, Урала и Сибири, Вольский заявил: «О социалистических экспериментах и речи быть не может».

18 ноября 1918 г. при поддержке кадетов, белогвардейских офицеров и командующего войсками Антанты в Сибири произошел переворот и установлена военная диктатура Колчака, который принял титул «верховного правителя Российского государства» и звание верховного главнокомандующего (до 4 января 1920 г.). Еще в августе 1918 г. Колчак писал: «Гражданская война по необходимости должна быть беспощадной… Военная диктатура единственная и эффективная система власти». В Омске были арестованы члены Уфимской директории. Кроме Совета министров был создан Совет верховного правителя. Во главе губерний поставлены губернаторы, восстановлены старые царские законы. Колчак признал все иностранные долги России, вернул фабрики и заводы старым хозяевам, жестоко преследовал коммунистов, революционных рабочих и крестьян, ликвидировал советы. Аграрная политика Колчака была направлена на восстанов-

ление частного землевладения и укрепление кулачества; национальная политика проводилась под лозунгом «единой и неделимой России».

При Деникине на Юге России образовано Особое совещание, призванное придать военному режиму видимость демократичности. Для проведения белого террора у Деникина в конце 1918 г. образовано Осведомительное агентство (ОСВАГ), полиция именовалась государственной стражей. Ее численность достигла к сентябрю 1919 г. почти 78 тысяч человек, а в армии – около 110 тысяч штыков и сабель.

Все выступления крестьян против политики белых жестоко подавлялись. Только в Екатеринбургской губернии уничтожено свыше 25 тысяч человек. Деникинская власть из пулеметов расстреляла арестованных крестьян Екатеринославской губернии, в декабре 1919 г. генерал Кутепов приказал повесить на фонарях центральных улиц Ростова-на-Дону заключенных, находившихся в тюрьмах. О грабежах в Царицыне и Тамбове ходили страшные легенды. Широкое распространение получили черносотенные погромные организации. Только на Украине в 1918—1920 гг. совершено 1225 еврейских погромов, убито 200 тысяч евреев и около миллиона избито и ограблено. 29 апреля 1920 г. Врангель приказал «безжалостно расстреливать всех комиссаров и коммунистов, взятых в плен». Также действовали и генерал Юденич под Петроградом, и Миллер на Севере страны. Над виновными и невиновными совершало расправу упрощенное

военное правосудие.

Военно-диктаторские режимы А.В. Колчака, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля и Е.К. Миллера, пришедшие на смену социалистам, являлись военной буржуазно-помещичьей диктатурой. Главной целью военных формирований белогвардейских режимов являлось свержение советской власти и восстановление буржуазно-помещичьего строя. Они опирались на блок кадетов и октябристов. Вся полнота военно-политической, судебной и административной власти в занятых районах белогвардейскими войсками принадлежала генералам. Разнузданный террор был характерным признаком и основой военной диктатуры. Открытые террористические режимы белогвардейских генералов превратили всю систему государственной власти в орудие массового террора и создали широкую разветвленную сеть специальных органов сыска, уничтожения и изоляции политически неугодных людей.

Политику белого террора проводили и разные атаманы, выступавшие от имени регулярной армии: Б.В. Анненков, А.И. Дутов, Г.М. Семенов и другие. Деревни сжигались дотла, крестьян, их жен и детей расстреливали или вешали на столбах. Семенов лично визировал приговоры и контролировал пытки в застенках, где было замучено до 6,5 тысячи человек.

Военные режимы белых генералов, казни, насилия и грабежи встретили решительный отпор населения. Сначала оно

отказывалось от выполнения повинностей, уплаты налогов, не являлось по призыву в армию, а затем перешло к вооруженной борьбе. Это явилось одной из причин победы Красной армии в Гражданской войне90.

В 1919 г. в России, разделенной Гражданской войной на две противоборствующие части, «красной» была лишь 1/8 территории бывшей империи. На остальной возникло белое движение под лозунгом передачи власти Учредительному собранию. Его сторонники считали себя высшей, законно избранной властью в стране. Над противниками большевиков довлели идеологические догматы. И белый террор так же, как и красный, включал различные средства: разгром политических организаций, аресты и уничтожение их руководителей и активистов, расстрелы, запрещение политических демонстраций, митингов, забастовок и так далее.

История показала реакционность и беспочвенность любого террора. Он был деструктивным под разным цветом: белым, красным, зеленым, черным. Армии и карательные отряды одинаково преступны, поскольку воевали со своим собственным народом. При расколе общества каждая из воюющих сторон имела свое видение будущего страны. Отсюда и взаимосвязь, и взаимозависимость любого террора, сходность форм и методов их осуществления. Использование террора являлось одним из важнейших инструментов политики и основным методом управления населением.

Наступил самый трудный для советской власти 1919 г.,

которому поэт М. Волошин посвятил строчки своего стихотворения о незабываемом жестоком времени:

…Одни идут освобождать

Москву и вновь сковать Россию,

Другие, разнуздав стихию,

Хотят весь мир пересоздать.

В тех и других война вдохнула

Гнев, жадность, мрачный хмель разгула91.

В деятельности ВЧК 1919 г. начался с решения Президиума ВЧК 9 января, который в составе Петерса, Лациса и Ксенофонтова утвердил высшую меру наказания «членам бывшей императорской – Романовской своры», сообщив об этом в ЦИК92.

По инициативе Дзержинского происходит уточнение ряда вопросов правового положения органов ВЧК. 29 января началась дискуссия о ВЧК. Речь шла о самом ее существовании. Некоторые советские работники считали, что наиболее тяжелый период Гражданской войны прошел, контрреволюция разбита наголову, политические преступления становятся редким исключением.

20 февраля 1919 г. председатель ВЧК подписал приказ ВЧК № 285 о подготовке к реорганизации ревтрибуналов и ЧК в свете решений: ВЦИК. Им предлагалось: ликвидировать до организации новых революционных трибуналов все имеющиеся старые дела, по которым необходимо применить административные меры наказания, чтобы вновь реорганизованные трибуналы могли бы сразу приступить к разбору новых дел; всячески содействовать организации новых трибуналов; не уменьшать бдительности и в случае надобности, с разрешения и согласия губисполкомов и губкомпарт, решительно бороться с врагами советской власти в местностях, объявленных на военном положении93.

В тот же день Дзержинский и председатель Особого отдела М.С. Кедров подписали приказ, которым предложили особым отделам принять к исполнению следующее: «Армейским особым отделам в зоне боевых действий предоставляются в отношении непосредственной расправы по пресечению преступлений права и функции губЧК; в том случае, когда боевая зона далеко отстоит от места пребывания армейского особого отдела, последний для непосредственного обслуживания зоны выделяет от себя боевой пункт (отделение), которому передаются принадлежащие ему права непосредственной расправы; граница боевой зоны устанавливается по соглашению местных губЧК, реввоенсоветов армий и особых отделов»94.

Весной и летом 1919 г. Дзержинский поставил перед ЦК

РКП(б) вопрос о дополнительных мерах обеспечения безопасности страны. 13 мая 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны принял за основу проект постановления об особых отделах при ВЧК и поручил В.И. Ленину подписать его от имени Совета «при условии, если он будет предварительно подписан тт. Кедровым и Дзержинским»95. 14 марта 1919 г. он выступил на заседании ЦК РКП(б) с докладом «О серьезности переживаемого момента» и предложил объявить на военном положении местности, где происходили контрреволюционные мятежи. ЦК согласился с мнением Дзержинского96.

5 июня 1919 г. председатель ВЧК представил на рассмотрение объединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) проект декрета «Об изъятии из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», который был принят за основу. 14 июня 1919 г. это постановление доведено до Дзержинского о передаче вопроса о порядке проведения военного положения на железных дорогах на обсуждение комиссии из Маркова, Дзержинского и Склянского с правом замены этих лиц «лишь теми товарищами, которые получат от них особые полномочия и с решением которых в комиссии Марков, Склянский и Дзержинский берут на себя обязательство согласиться»97.

На следующий день председатель ВЧК внес в ЦК РКП(б) проект декрета о расширении права расстрела. ЦК РКП(б) принял проект за основу, убрав лишь расстрел за поддел-

ку документов и соединив в общей формулировке в одном пункте участие в заговорах и в контрреволюционных организациях. Юридическую доработку проекта поручено провести П.И. Стучке в двухдневный срок и внести его в Президиум ВЦИК98.

20 июня ВЦИК утвердил проект декрета с небольшими уточнениями. После его опубликования 23 июня председатель ВЧК подписал приказ, разъяснявший задачи ЧК, призванных в трудное время «проявить максимум энергии, максимум усилий к тому, чтобы обеспечить тыл нашей армии. Все чрезвычайные комиссии должны превратиться в боевые лагери, готовые в любое время разрушить планы белогвардейских заговорщиков…»99.

После разгрома основных сил интервентов, Юденича, Колчака и Деникина, занятия Ростова, Новочеркасска, Красноярска и взятия в плен «верховного правителя» сложились новые условия борьбы с оставшимися врагами революции. Ликвидация контрреволюционных организаций, укрепление советской власти дали возможность Дзержинскому выступить с предложением отказаться от применения высшей меры наказания (расстрела), «отложить в сторону оружие террора». Отметим, что еще 13 июня 1918 г. был принят Декрет о восстановлении смертной казни. И с этого момента расстрел мог применяться революционными трибуналами100. В Советской России смертная казнь отменялась в 1917 и 1920 гг., в Советском Союзе в 1947 г. Но, по-види-

мому, нужно признать, что эти акции были явным «забеганием вперед», исключение такой меры в тот период не соответствовало жестким объективным условиям Гражданской войны, интервенции и послевоенного периода.

13 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), заслушав предложение Дзержинского напечатать от имени ВЧК приказ о прекращении с 1 февраля всеми местными ЧК применения высшей меры наказания и о передаче всех дел, по которым могло бы грозить такое наказание, в ревтрибунал, постановило: «Предложение принять с тем, чтобы приостановка расстрела была тем же приказом распространена и на ВЧК». Для подготовки такого приказа была избрана комиссия в составе Ф.Э. Дзержинского, Л.Б. Каменева и Л.Д. Троцкого101.

Через четыре дня ВЦИК за подписями В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского и А.С. Енукидзе постановил: «Отменить применение высшей меры наказания (расстрела) как по приговорам Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов». Здесь же было подчеркнуто, что «только возобновление Антантой попыток, путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов, вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устроению социалистического хозяйства может вы-

нудить возвращение к методам террора, и, таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов»102. Но данная мера осталась в прифронтовых районах.

Телеграммой Дзержинского 28 января 1920 г. прифронтовые ЧК извещены о том, что «во всей полосе, подчиненной фронтам, за губчека и гражданскими трибуналами по постановлению Президиума ВЦИК сохраняется право непосредственной расправы, т.е. расстрела за преступления, упомянутые в постановлении ВЦИК от 22 июня 19 года»103.

Расстрел продолжали применять внесудебные тройки при губЧК. О том, как они «работали», свидетельствуют многие документы. Так, 13 января 1920 г. на заседании внесудебной тройки в составе Ф.Э. Дзержинского, В.А. Аванесова и Я.Х. Петерса по докладу Я.С. Агранова, А.Х. Артузова, К.И. Ландера, В.Р. Менжинского и И.П. Павлуновского решена судьба 77 человек. Приговорены к расстрелу – 58, направлены в концлагерь до конца Гражданской войны – 14, освобождены – 2 человека, в отношении 3 человек постановлено провести доследование104.

В феврале 1920 г. Президиум ВЦИКа еще раз подтвердил не только право расстрела, данное прифронтовым ЧК, но и предоставил такое право военных трибуналов революцион-

ным тройкам, Дзержинский телеграфировал в Ташкент Г.И. Бокию, что отмена высшей меры наказания на Туркестан не распространяется105.

Объясняя применение расстрела в годы Гражданской войны, Дзержинский в ответном слове на приветствие делегатов IV Всероссийской конференции ЧК 6 февраля 1920 г. по случаю награждения его орденом Красного Знамени говорил: «И точно так же, как раньше мы со спокойной совестью убивали врагов, потому, что иначе их было нельзя победить, точно так же мы теперь должны приять за другие методы, с такой же энергией и таким же чистым сердцем»106.

19 февраля 1920 г. СНК принял постановление о расширении полномочий ВЧК: «Лиц, обвиняемых в вооруженных грабежах, разбойных нападениях и в налетах, предавать суду революционного трибунала». ВЧК и трибуналу по взаимному соглашению было предоставлено право учреждать военные трибуналы в местностях, опасных в отношении бандитизма. Было предложено губчека и губвоенкомам «все дела о лицах, обвиняемых в вооруженных грабежах, в разбойных нападениях, налетах и восстаниях против Советской власти в местностях, лежащих вне фронтовой полосы, передавать к слушанию и вынесению приговоров в Реввоентрибунал ВОХР; там же, где их не было, по представлению губЧК создавать специальные военные трибуналы только для слушания дела; трибуналы состоят из председателя и двух членов – двух от губчека и одного – от военного комиссара»107.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.